

«Военно-исторический журнал» и ветераны войны в гостях у школьников

МОСКОВСКАЯ школа № 35, ныне составная часть лицея № 1535 (директор М.Г. Мокрицкий), издавна известна в муниципальном образовании «Хамовники» углубленной изучением истории Великой Отечественной войны и средствами патриотическими инициативами. Благодаря тесным контактам заместителя директора лицея Т.В. Воробейшиной и преподавателей истории о ветеранской организации № 14 района Хамовники, которую возглавляет Н.А. Астафьева, здесь налажена систематическая военно-патриотическая работа: проводятся Уроки памяти, Уроки мужества, встречи с ветеранами войны и труда, крупные столы на героико-патриотические темы. Недавно в лицее состоялся крупный стол на тему «Факты лжи и фальсификации истории Великой Отечественной войны». Обсужденные проблемы шло преимущественно на основе материалов, опубликованных в 2007 – 2008 гг. в «Военно-историческом журнале». В актовом зале собралась учениками 10 – 11 классов, преподаватели-историки, участники Великой Отечественной войны генерал-майор в отставке В.Д. Рыбчук и заслуженный работник культуры России полковник в отставке В.С. Сухова, член редколлегии, ведущий научный редактор «Военно-исторического журнала» А.В. Островский. Ведущим круглого стола была руководитель школьного музея В.Н. Рыжкова. Обсуждение темы началось с демонстрации видеоролика о Второй мировой войне. Затем выступавшие обсудили ряд статей, опубликованных за последнее время в «Военно-историческом журнале» под рубрикой «Против лжи и фальсификации». Их учениками выступили Алена Щроста, Ольга Сарыгина, Антон Васетенков. Ребята подняли темы предательства, репрессий в Красной армии, особенно по отношению к возвращавшимся на родину военнопленным, потерь СССР в живой силе и военной технике. Все рассуждения подкреплялись ссылками на источники. А. Васетенков проиллюстрировал своё выступление оригинальным видеороликом. С заключительным словом выступила учитель истории В.С. Ефремова. По результатам круглого стола руководство лицея приняло решение организовать подписку на «Военно-исторический журнал».

Публикация подготовлена
А.С. АБЕРЧЕНКО
Ф.Н. КОУДАЕВА
и В.Н. РЫЖКОВОЙ

А С выступительным словом к присутствующим обратился ведущий научный редактор «Военно-исторического журнала» А.В. Островский

Выступление полковника в отставке В.С. Сухова

Выступает генерал-майор в отставке В.Д. Рыбчук

Участники круглого стола

А Выступает А. Васетенков

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
1991 2009 4

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделении связи Платы России.

Издано журналы для российских и зарубежных подписчиков по каталогу «Плата, Журналы, Книги, Учебные пособия» агентства «Роспечать» — 70137.

Издано журналы для российских подписчиков по каталогу российской прессы «Плата, Россия» — 12754.

Адрес для переписки: 101160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 39а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакция для справок: (495) 693-57-45; 8-906-751-05-97 E-mail: MI_Hist_mag@rambler.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет» — приложением за 2004–2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подольска могут приобрести отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячно издание Министерства обороны Российской Федерации

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**АПРЕЛЬ
№ 4
2009**

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Создание системы межбазовых коммуникаций Тихоокеанского флота в 30–40-е годы XX века

Японский план «умиротворения» российского Дальнего Востока

«Нам, немецким разведчикам, поручен контроль за деятельностью ОУНОВских банд и эффективностью их борьбы с частями Красной армии»

Морские перевозки в интересах вооружённых сил США во вьетнамской войне 1965–1973 гг.

Генерал П.А. Плева и бои в Прибалтике весной–осенью 1915 года

Русские крепости конца XV–XVII вв. Конструктивные особенности

ISSN 0321-0686

Копейчник, 1613 г.

Из коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

**12 апреля – День войск противовоздушной обороны
(отмечается во второе воскресенье апреля)**

Военно-исторический журнал 2009 № 4 апрель

Памятник химчанам – труженикам, ковавшим Великую Победу в 1941 – 1945 гг. ▽

▲ Памятник сестре милосердия

▲ Памятник химчанам – участникам Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

ГОРОДСКОЙ округ Химки – один из активных в Подмосковье в деле продолжения славных традиций по увековечению памяти героев, своей жизнью заплативших за мир и счастье наших детей.

Химчане сражались на фронтах Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., были миротворцами в урегулировании международных конфликтов, участвовали в локальных войнах и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В 2005 году Химки были удостоены почётного звания «Город ратной славы».

Мы должны помнить о подлинном героизме, отваге и мужестве наших соотечественников, чтобы не прерывалась связь поколений, а молодёжь смогла найти верные ориентиры в жизни – такова позиция главы городского округа Химки В.В. Стрельченко, участника боевых действий в Афганистане, награждённого двумя орденами Красной Звезды, орденами «За службу Родине в Вооружённых силах» 3-й степени и «За личное мужество». По инициативе В.В. Стрельченко в 2004 году была учреждена программа мемориальной пропаганды по увековечению исторических событий, в рамках которой в Химках создаётся единый историко-архитектурный ансамбль. Назовём лишь несколько реализованных проектов.

8 мая 2005 года в городском сквере имени Марии Рубцовой открыли единственный в России памятник медицинским сёстрам, работавшим в госпиталях в 1941 – 1945 гг. Ветераны, обратившиеся в местный Совет депутатов с предложением установить монумент, подробно рассказали о работе 10 химкинских госпиталей, о том, как здешние врачи и медсёстры спасли от смерти более 5000 раненых, о местных девушках-выпускницах Библиотечного института, которые добровольно стали сёстрами милосердия. Зная всё это, понимаешь глубину смысла слов, высеченных на красном граните: «Подвиг. Милосердие». Памятник представляет собой скульптурную композицию из бронзы на высоком железобетонном постаменте, изображающую раненого солдата на руках у молодой медсестры, склонившейся над воином и поддерживающей его. Авторский коллектив памятника (идея – В.В. Стрельченко, скульптор – В.А. Евдокимов, архитектор – В.Н. Михайлов, художник-монументалист – А.С. Мустафин) получил диплом 1-й степени премии Центрального федерального округа в области литературы и искусства за 2005 год.

В период Великой Отечественной войны в ряды Советских Вооружённых Сил было призвано свыше 25 тыс. химчан, более 7000 из них пали в боях за Родину. Напоминают об этом имеющиеся в городском округе десятки памятников, обелисков, памятных знаков и мемориальных досок. Ещё в 1965 году в связи с 20-летием Победы на центральной площади Химок открыли стелу-обелиск «Отстоявшим Отчизну» и зажгли Вечный огонь в память о героях минувшей войны.

▲ Памятник воину-освободителю

▽ Монумент «Мужеству и стойкости химчан»

▲ Памятник «Доблесть и память подразделений специального назначения России»

▽ Мемориал «Воинская слава» на Новолужинском кладбище

▽ Стела-обелиск «Отстоявшим Отчизну»

Знаменитый танк Т-34 конструктора М.И. Кошкина был установлен в сквере имени Марии Рубцовой 8 мая 2006 года в память о химчаных – участниках войны. Танк водружён на высокий бетонный постамент и символизирует бросок на Запад.

6 мая 2007 года на Аллее Героев Новолужинского кладбища в Химках состоялось торжественное открытие нового мемориала погибшим участникам Великой Отечественной войны. Сюда были перенесены и под гимн России преданы земле останки красноармейцев С.В. Максимова и И.А. Пупычкина, лейтенантов И.А. Честякова и Б.А. Бородавкина, лётчика-истребителя А.Г. Левина и Героя Советского Союза лётчика-испытателя М.А. Родионова.

А 7 мая того же года в парке «Дубки» открыли памятник, посвящённый всем труженикам тыла. В годы войны химкинские заводы № 293, 301 и 456 эвакуировали в глубокий тыл, и на их месте оборудовали ремонтные мастерские и цеха-ангары для ремонта и сборки самолётов. Рабочих рук катастрофически не хватало, и здесь трудились пионеры и комсомольцы Химок, которые демонтировали старые самолёты на детали, вытачивали новые части на стареньких станках. В памятнике запечатлён момент взлёта легендарного истребителя Ла-7, созданного конструктором С.А. Лавочкиным. Для устроителей мемориала Ла-7 стал символом единения фронта и тыла.

В микрорайоне Левобережный находился обелиск с именами погибших в Великой Отечественной войне жителей бывшей деревни Киреево, который решили реконструировать и в ходе переноса сделать его более монументальным. В результате 8 мая 2007 года на его месте был открыт памятник воину-освободителю (скульптор Ю. Варфоломеев). Величественная, отлитая из бронзы 4,5-метровая фигура воина с победно вскинутой рукой с автоматом олицетворяет защитника, спасшего нашу страну от фашизма.

Когда 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС произошла авария, Химкинский район направил на Припять более 700 специалистов (учёных, техников и др.). Многие из них погибли при выполнении своего профессионального долга. В день 20-летия скорбного юбилея в сквере имени Марии Рубцовой был открыт монумент «Мужеству и стойкости химчан», посвящённый памяти погибших при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и других техногенных катастроф.

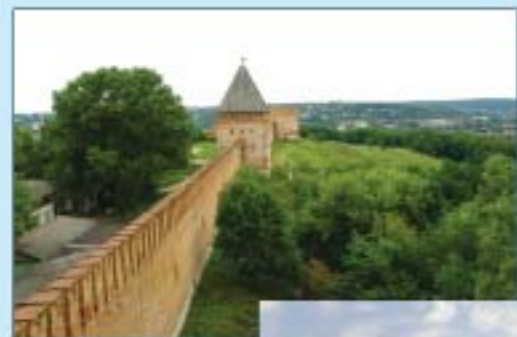
Масштабные работы по сохранению военной истории городского округа Химки продолжаются.

Публикацию подготовила Е.В. ДОБЫЧНИНА
Фото К. КОРОБКОВОЙ

Читайте
в номере

Русские

Крепости XI–XIX вв.

▲ Смоленская крепость. Прямые участки стен между башнями позволяли простреливать флангирующим огнём все подступы к стенам

▶ Подошвенные и средние бой, расположенные в шахматном порядке на внутренней части стены Смоленской крепости

▲ Маринкина башня. Коломна. В разломе стены видна полубутровая конструкция стены: между внешними слоями кирпичной кладки находится забутовка из необработанного камня

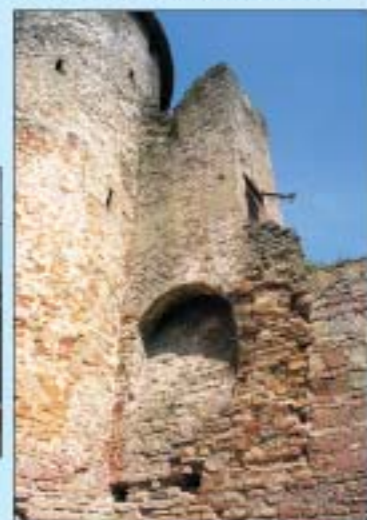
▲ Пятницкие ворота. Вид изнутри. С обеих сторон над входом помещены иконы. Коломна

▲ Коломенская крепость. Аркада с внутренней стороны стены

▲ Троицкие ворота Московского Кремля. Слева – Кутафья башня, справа – Троицкая воротная башня

▲ Бойницы с камерами в башне наместника, Иваногород. Между камерами виден дымоотвод

▲ Кремль Нижнего Новгорода. Северная (слева), Тайницкая (в центре) башни

▶ Над проёмом в стене, рядом с Воротной башней Иваногородской крепости, находился перекидной мостик, который в поднятом виде перекрывал сообщение между башней и боевым ходом стены

ПЕРВОНАЧАЛЬНО крепости представляли собой населённые пункты, обнесённые примитивной оградой из земли, камня, дерева и других материалов, а с развитием городов сделались их частью, защищённой стенами, рвами и иными сооружениями. Как важный в военном отношении укрепленный пункт (город), крепость имела постоянный гарнизон, вооружённый и обеспеченный всем необходимым для длительной борьбы в условиях осады.

В XI веке в Киевской Руси насчитывалось около 90 укрепленных городов. С XI по XIV вв. взамен деревоземляных укреплений были заложены каменные крепости в Юрьеве (Тарту, 1030 - 1037), Киеве (1037), Новгороде (1044), Переяславле (1090), Пскове (XIII в.), Изборске (1330), Москве (1367, кирпичная в 1485 - 1495), Смоленске (1596) и в других городах.

Артиллерия (с XIV в.) и особенно чугунные ядра (с XV в.) сильно снизили высоту и увеличили ширину стен; изменили и форму, что позволило размещать на стенах и башнях артиллерийские орудия для фронтальной обороны. В XVI - XVII вв. башни были заменены постройками пятиугольной формы - бастионами (в России назывались раскатами). С появлением массовых армий (конец XVIII - начало XIX в.) крепости перестали соответствовать изменившимся условиям ведения войны и появились форты. Идея фортовой крепости (Кронштадт 1703 - 1724 гг.) принадлежит Петру I. Новый тип форта в 1888 году разработал профессор инженерной академии

К.И. Величко. Его теория устройства крепости, когда опорные пункты пехоты усиливались противотурмовыми артиллерийскими орудиями, а тяжёлые орудия выносились из фортов в промежуточные капониры, зарекомендовала себя при обороне Порт-Артура во время Русско-японской войны (1904 - 1905 гг.) и получила распространение во всех европейских странах.

Накануне Первой мировой войны крепости делились на большие (маневренные) и малые. Большие крепости сооружались для удержания важных стратегических пунктов и обеспечения свободы маневрирования полевой армии на главном направлении. Малые крепости строились на второстепенных направлениях. Они состояли из нескольких или отдельных фортов - застав и предназначались для обороны конкретного пункта. Существуют сухопутные и морские (приморские) крепости. Большие приморские крепости являлись, как правило, операционными базами флота, откуда проводилось развёртывание его сил. Малые приморские крепости служили операционными базами и защищали важные пункты побережья (порты, якорные стоянки, угольные станции и т.д.). Обычно они отличались меньшими размерами.

Подробнее о строительстве русских крепостей читайте в номере статью К.С. Носова «Русские крепости конца XV - XVII вв. Конструктивные особенности».

Публикацию подготовила
Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА
Фото К.С. НОСОВА

▲ Стены Сумского острога построены террасами. Нижняя часть внешней стены двойная: между двумя рядами брёвен находилась земляная засыпка. Верхняя часть стен (облам) немного нависает над нижней, образуя зазор для обстрела подошвы стены

▲ Ивановская башня Нижегородского кремля. Один из двух сохранившихся фрагментов крепости. Сердлуха

▲ Зарайский кремль. Караульная (вдали) и Егорьевская башни

▲ Никитская башня Тульского кремля

▶ Земляная крепость бастионного начертания. Ростов

▲ Фрагмент тыновой ограды рядом с башней Братского острога

▶ Одна из башен Братского острога, заложенного на р. Оке в 1631 году и неоднократно перестраивавшегося на протяжении XVII в. Москва, парк «Коломенское»

▲ Верхняя выступающая часть башни Братского острога

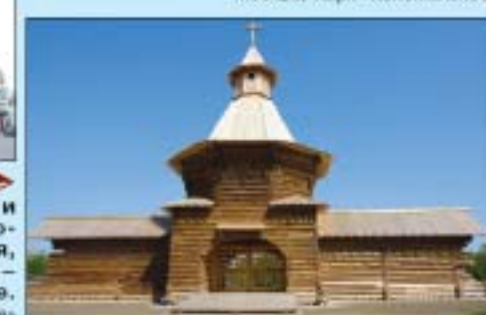
▲ Ивановская башня Нижегородского кремля

▲ Моховая башня Сумского острога, построенного в 1582 - 1583 гг. для защиты северных рубежей государства. Москва, парк «Коломенское»

▶ Воротная башня и фрагменты стены Николо-Корельского монастыря, XVII в. Конструкция башни - восьмерик на четверике. Москва, парк «Коломенское»

Боевое знамя института

Инженерно-конструкторский корпус института

60 ЛЕТ на службе военной связи

19 МАЯ 1949 года приказом начальника войск связи была объявлена директива главкома Сухопутных войск о формировании Проектно-технического управления войск связи Сухопутных войск на базе проектно-конструкторского отдела 52-го отдельного строительного-монтажного полка связи с размещением в г. Мытищи. Эта дата согласно историческому формуляру части и является днём образования 17-го Центрального проектного ордена Трудового Красного Знамени института связи Министерства обороны Российской Федерации.

В институте на протяжении всей его истории осуществлялась большая работа по проектированию стационарных объектов связи для всех видов и родов ВС, в особенности для Ракетных войск. Проектировались крупные защищённые узлы связи пунктов управления, в их числе мощные приёмопередающие центры, многоканальные линии связи. Разрабатывались и внедрялись новые радиорелейные и тропосферные станции, создавались комплексы земных станций спутниковой связи специального назначения. Совместно с предприятиями промышленности, научно-исследовательскими и учебными организациями Министерства обороны специалисты института разрабатывали проекты защищённых антенн, объектов Единой системы спутниковой связи, объектов радио- и спутниковой разведки. Многие проекты осуществлялись впервые и до сего дня являются уникальными. Специалисты института активно участвовали в создании нормативной базы связи. Институт разрабатывал проекты реконструкции и нового строительства учебных корпусов и других сооружений высших военных учебных заведений связи: Рязанского, Ленинградского, Череповецкого, Кемеровского, Ульяновского, Киевского, Полтавского. Разработаны типовые проекты и проектные решения, которые широко использовались при строительстве объектов.

Подробнее об истории 17 ЦПС МО РФ читайте в номере статью начальника института полковника А.С. Лещенко «60 лет в одном строю с Вооружёнными силами».

Начальник института полковник А.С. Лещенко

Публикацию подготовила И.В. НЕДОСТОВА

Встреча с ветеранами

1989 г. 40-летие института

Читайте в номере

Объекты, спроектированные 17 ЦПС

Военно-исторический журнал «СЕРЖАНТ»

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

NATIONAL SECURITY

Ю.М. ЗАЙЦЕВ — Создание системы межбазовых коммуникаций Тихоокеанского флота в 30—40-е годы XX века

Yu.M. ZAITSEV – Laying the system of interbase communications of the Pacific Ocean Navy in the 30th–40th of the XXth century

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX-XXI ВВ.

LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF THE XX-XXI CENTURY

В.М. ЕВСЕЕВ — Морские перевозки в интересах вооружённых сил США во вьетнамской войне 1965—1973гг.

V.M. EVSEEV – Sea transportation for the US Armed Forces during the Vietnam war of 1965–1973

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

DOCUMENTS AND MATERIALS

Японский план «умиротворения» российского Дальнего Востока. («Предварительный протокол реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской империи, ныне именуемой Дальневосточная Республика»)

(Публикация В.А. ШИРЯЕВА, Н.С. ЧУМАКОВА)

Japan plan of “pacification” of the Russian Far East. “Preliminary protocol of the reforms awaiting to be introduced over the territory of the former Russian Empire that is called the Far East Republic now”

(Publication of V.A. SHIRYAEV, N.S.CHUMAKOV)

«Нам, немецким разведчикам, поручен контроль за деятельностью оуновских банд и эффективностью их борьбы с частями Красной армии»

(Публикация А.А. КЛИМОВА)

“We, the German reconnaissance agents, were instructed to monitor the activities of the OUN’s bands and effectiveness of their fighting against the Red Army units”

(Publication of A.A. KLIMOV)

Великая отечественная война 1941—1945 гг.

THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

А.П. ЖАРСКИЙ, В.С. ХОХЛОВ — Органы руководства военной связью в высших звеньях управления Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)

A.P. ZARSKY, V.S. KHOKHLOV – Organs of the military communications management in the higher levels of the Red Army leadership and methods of their operations during the days of the Great Patriotic War (1941–1945)

П.Ф. ГЛАДКИХ — Боевая деятельность медицинской службы Ленинградского фронта (1941—1944 гг.)

P.F. GLADKIKH – Combat activities of the Medicine service of the Leningrad Front (1941–1944).

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

FORGOTTEN NAME

О.А. ГРАЧЁВА — Две судьбы

O.A. GRACHEVA — Two destinies

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT

А.В. ЛОБАНОВ — Вторая мировая: война моторов. Двигатели воздушного охлаждения

A.V. LOBANOV – World War II: the war of motors. Air-cooled engines

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

COMMANDERS AND CHIEFS

А.В. ОЛЕЙНИКОВ — Генерал П.А. Плева и бои в Прибалтике весной—осенью 1915года

A.V. OLEINIKOV – General P.A. Pleva and battles in the Baltic region in spring–autumn of 1915

ИЗ ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ

FROM THE HISTORY OF FORTIFICATION

К.С. НОСОВ — Русские крепости конца XV—XVII вв. Конструктивные особенности

K.S. NOSOV – Russian fortresses of the end of XV – XVII centuries. Features of constructions

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND

А.В. ТИХОМИРОВ — Нормативно-правовые основы создания и деятельности офицерских собраний в Российской армии

A.V. TIKHOMIROV – Normative and legal bases of creating and functioning of the officers meetings in the Russian Army

А.С. ЛЕЩЕНКО — 60 лет в одном строю с вооружёнными силами

A.S. LESHCHENKO – 60 years in one formation with the Armed Forces

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

MILITARY SYMBOLISM

а.и. коваленко — Государственная символика в культуре казачества восточных окраин России

A.I. KOVALENKO – The state symbolism in culture of cossacks of the Eastern outlying districts

МОЛОДЁЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

YOUTH MILITARY-HISTORICAL MAGAZINE

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

IN THE PAGES OF RARE EDITIONS

А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I.

(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)

A.G. BRIKNER — Death of Pavel I.

(Publication of A.V. Ostrovsky)

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

ARMY AND SOCIETY

В.П. КРЕТОВ — Военная музыка, ставшая жизнью Л.А. Петкевича

V.P. KRETOV – Military music that became the life of L.A. Petkevich

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

М.Е. ЕРИН — Германия: от империи к республике

M.E. ERIN – Germany: from empire to republic

В.Г. КИКНАДЗЕ — Эволюция, философские проблемы и роль военной науки

V.G. KIKNADZE – Evolution, philosophical problems and role of the military science

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Книжная полка военного историка

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ЗАЙЦЕВ Юрий Михайлович —

профессор кафедры тактики ВМФ и военной истории Тихоокеанского военно-морского института имени С.О.Макарова, капитан 1 ранга запаса, кандидат исторических наук, доцент (г. Владивосток)

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖБАЗОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА В 30—40-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В декабре 1932года по результатам инспекционной поездки на Дальний Восток с целью принятия неотложных мер по обеспечению безопасности наших приморских и приокеанских рубежей, организации надёжной обороны побережья от агрессивных посягательств амбициозных соседей, член Революционного военного совета (РВС) СССР Р.А.Муклевич представил Наркомвоенмор К.Е.Ворошилову «Записку по выбору баз на побережье Японского моря»¹. В ней предлагалось ввиду большой протяжённости театра Морских сил Дальнего Востока (МСДВ)* разделить побережье на четыре части и создать четыре района обороны. Один из районов морской обороны — Совгаванский планировался от мыса Первенец до мыса Сюркун со строительством военно-

морской базы (ВМБ) в заливе Советская Гавань. Позже (планами 1934—1937гг.) в заливе Советская Гавань намечалось создание второй операционной базы флота, обеспечивающей базирование, производство текущего и аварийного ремонта крейсеров, лидеров и эсминцев, минных заградителей, подводных лодок, торпедных катеров, канонерских лодок и вспомогательных судов.

Силы, дислоцированные в Совгаванской операционной базе, предназначались для отражения ударов Японии со стороны островов Хоккайдо и Сахалин, защиты морских коммуникаций и районов промыслов в северной части Японского моря, в Татарском проливе, в Охотском море и на подходах к Камчатке. Они должны были предотвратить проникновение противника во внутренние районы Дальнего Востока по реке Амур и попытки «отрезать» его южную, наиболее развитую часть от остальной территории.

Вместе с тем сложность как создания, так и функционирования военно-морской базы была обусловлена отсутствием наземных транспортных коммуникаций, связывающих её с внутренними районами региона и страны. Морские коммуникации, соединяющие Советскую Гавань с главной базой флота, Владивостоком, могли быть не только уязвимы со стороны противника, но и имели ограниченный период действия — с ноября по апрель навигация закрывалась в связи с ледоставом. При отсутствии наземных путей сообщения Совгаванская ВМБ по сути представляла собой остров, на который в период навигации необходимо было завозить материально-технические ресурсы, вооружение и т.п. на весь год. Устойчивость такой базы и эффективность действия сил флота всецело зависели не только от характера действий противника, но и от гидрометеорологических условий.

Создания железнодорожного пути от Хабаровска до Советской Гавани требовало и экономическое освоение региона, однако лишь военная угроза железнодорожной магистрали на участке от Иркутска до Хабаровска в начале 30-х годов прошлого века вынудила военно-политическое руководство СССР вплотную заняться строительством железной дороги, более удалённой от границы с Монголией и Манчжурией, с выходом к Тихому океану.

Необходимо было и строительство вторых путей Транссибирской магистрали, отсутствие которых при низкой пропускной способности признавалось одной из причин поражения России в Русско-японской войне 1904—1905гг.

На выбор мест базирования будущего Тихоокеанского флота оказали влияние не только физико-географические условия, но и, в первую очередь определённые морским силам задачи, основу которых составили принципы рассредоточения, маскировки, обороны от всех видов оружия и подвижности самой системы базирования. Первый из них подразумевал рассредоточенное размещение сооружений баз и соединений кораблей различных классов, предприятий судоремонта, складов снабжения и топлива. Практика «эшелонированного» снабжения флота, означающая наличие запасов в ближайшем тылу, рассредоточенных в разных пунктах и подающихся из них к ВМБ по мере необходимости, экономически затратная в мирное время, крайне необходима в условиях подготовки государства к войне. Вместе с тем эта практика предъявляет высокие требования к развитию внутрибазовых транспортных коммуникаций.

Оборона побережья, противодесантные операции, средства береговой обороны баз — всё это в значительной степени опиралось на сухопутные пути сообщения, проложенные как вдоль побережья, так и в тылу к отдельным его пунктам. Применение железнодорожных батарей и быстрая концентрация войск к району высадки противника требовали заранее построенных путей

сообщения, хорошо развитой сети их на побережье, т.е. создания межбазовых транспортных коммуникаций.

Развитие межбазовых коммуникаций было обусловлено кооперацией усилий всей страны по обеспечению судостроения и снабжения дальневосточных морских сил, когда их базой в широком смысле этого слова было всё государство. Страна же представляла в тот период огромную стройку, испытывая острую нехватку не только финансовых средств, но и материальных и людских ресурсов. Вот почему плановые работы по строительству железных дорог на Дальнем Востоке шли со значительным отставанием от сроков. Создание Тихоокеанского флота на первом этапе стало возможным лишь благодаря переброске внутренними путями сообщения береговых артиллерийских установок и отдельных частей кораблей, изготовленных на судостроительных заводах европейской части СССР.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами Совет народных комиссаров (СНК) СССР 21 марта 1932г. принял постановление «О финансировании строительства Дальневосточной железной дороги», суть которого сводилась к сооружению вторых путей от ст.Карымская до ст.Уруша и постройке железнодорожного пути Уруша — пристань Пермская, где планировалось строительство крупного машиностроительного центра (г.Комсомольск-на-Амуре)². В развитие своего решения СНК СССР принял 13 апреля 1932года два новых постановления — «О строительстве вторых путей на участке Карымская – Уруша Забайкальской железной дороги» и «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги»³. Если первый из документов был направлен на увеличение пропускной способности железной дороги, то второй позволял решить проблему безопасности транспортных коммуникаций и создать благоприятные в перспективе условия для развёртывания промышленного строительства на Дальнем Востоке. Предполагалось, что сроки строительства не превысят 3,5—4года.

* МСДВ были созданы в 1922г. после изгнания японских оккупантов с наших дальневосточных земель. В 1926г. — расформированы, но шесть лет спустя, в связи с обострением обстановки в регионе, созданы вновь с последующим переименованием (11 января 1935г.) в Тихоокеанский флот (ТОФ) с главной базой во Владивостоке. (См.: Воен. энциклопед. словарь. М.: Воениздат, 1983. С.742).

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 10. Л. 3—5.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-5446. Оп. 57. Д. 18. Л. 151.

³ Там же. Оп. 1. Д. 67. Л. 171, 172, 174.

ЕВСЕЕВ Владимир Михайлович —

*помощник начальника лаборатории войсковой части 40767 Черноморского флота РФ, капитан
2 ранга (г. Севастополь)*

МОРСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ В ИНТЕРЕСАХ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ США ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЕ 1965— 1973 ГГ.

Военные действия, развязанные США во Вьетнаме в 1964—1965 гг., были самым крупным вооружённым конфликтом в период после Второй мировой войны. С начала 1965 года США начали регулярно привлекать свои войска в Южном Вьетнаме к боевым действиям, что потребовало резкого наращивания их группировки. Если с 1961 по 1964 год её численность увеличивалась сравнительно невысокими темпами — с 900 до 23,3 тыс. человек, то к декабрю 1965 года она составляла уже 184,3 тыс., а к декабрю 1966-го — 485,3 тыс. человек¹. Это повлекло увеличение поставок вооружения и военной техники (ВВТ), средств материально-технического обеспечения (МТО).

Ответственность за доставку грузов в Южный Вьетнам была разделена между военно-морской транспортной службой (ВМТС), которая отвечала за их транспортировку морем, военно-транспортным авиационным командованием (ВТАК), осуществлявшим воздушные переброски, и службой военных перевозок и обслуживания портов (СВПОП), ответственной за доставку грузов на территории США. В отличие от Корейской войны 1950—1953 годов, когда разработкой планов перебросок войск и грузов занимались отдельные службы видов вооружённых сил, а роль ВМТС сводилась только к их перевозке морем, на этот раз планирование перебросок и контроль над ними осуществляло министерство обороны. Для этого была создана объединённая оперативная группа МТО вооружённых сил (ВС) США в Южном Вьетнаме, подчинявшаяся помощнику министра обороны по административным вопросам (схема 1). Группа координировала деятельность тыловых органов видов ВС США по обеспечению перевозок, анализировала недостатки в системе МТО и готовила предложения по их устранению². В ходе войны часть функций, касающихся непосредственно вопросов перебросок, была передана образованному 22 марта 1966 года управлению специального помощника председателя Комитета начальников штабов (КНШ) по стратегической мобильности.

Общее планирование морских перевозок во Вьетнам осуществлял штаб ВМТС, непосредственное руководство ими возлагалось на зональные командования ВМТС на Тихом океане (Сан-Франциско, штат Калифорния) и на Дальнем Востоке (Йокогама, Япония)³. Первое из них несло ответственность за трансокеанские перевозки между портами США и Юго-Восточной Азии, второе — за перевозки между странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, а также между южновьетнамскими портами. С ростом объёма перевозок 1 апреля 1965 года было образовано районное командование ВМТС в Сайгоне с замыкавшимися на него семью отделами (Дананг,

Куйнён, Камрань, Нятранг, Вунгтау, Фанранг и Чулай), взаимодействовавшее с созданным в конце 1966года при заместителе командующего ВС США во Вьетнаме по тылу агентством военных перевозок (схема 2)⁴.

И всё же централизация управления перебросками носила незавершённый характер. Ещё в 1959году начальник СВПОП генерал-майор Дж.Дж.Лэйн отмечал, что преимущество централизации состоит в создании условий для «сквозных перевозок». Это позволяло бы одному учреждению доставлять грузы из США непосредственно за океан. На деле же морские терминалы на континенте контролировались ВМТС, но когда грузы оказывались за пределами США, полномочия переходили к командующему войсками за границей. Так как первоначально армия не располагала достаточной численностью персонала для операций на терминалах Южного Вьетнама, эти обязанности приняла на себя ВМТС. По мере нормализации обстановки армия выразила желание вернуться к выполнению операций на терминалах, но командование ВМС отнеслось к этому отрицательно, отказавшись предоставлять сведения о затратах и технических возможностях служб⁵.

В отличие от Корейской войны доставка личного состава и грузов в Южный Вьетнам носила плановый характер. Тем не менее, как и 15лет назад, сказался дефицит транспортных средств. В 1964году ВМТС на Тихом океане располагала только пятью судами общей грузоподъёмностью 57тыс.тб. Ликвидирован этот дефицит был, во-первых, за счёт привлечения кораблей ВМС, во-вторых, за счёт фрахта судов частных компаний, в-третьих, за счёт кораблей резервного флота национальной обороны (РФНО). В конце 1964года ВМТС получила во временное распоряжение 28кораблей амфибийных сил Тихоокеанского флота. С Атлантического океана были переведены все транспорты авиатехники (6), войсковые транспорты (16) и ролкеры* (3), две трети сухогрузных транспортов (18) и более половины танкеров и бензовозов (16)⁷.

* Ролкер — теплоход для перевозки контейнеров, леса, проката, автомобилей и др. грузов с горизонтальным способом погрузки — выгрузки (от англ. roll — катить).

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Heiser J. Logistic Support. Washington, D.C.: U.S. Army Center of Military History, 1991. P. 13.

² Egger G. Strategic Mobility in 1967—1980 // Military Review. July, 1967.

³ Андрюк О. Командование морских перевозок ВМС США // Зарубежное военное обозрение. 1976. № 10. С. 47.

⁴ Heiser J. Op. cit. P. 92.

⁵ Клэриту М. Морские воинские перевозки и некоторые проблемы, стоящие перед ВМС США / Пер. с англ. Ленинград, 1982. С.17.

6 Pike J. Sealift in the Vietnam War. Newport, RI.: Naval War College, 2000. P. 4.

7 Marolda E. By Sea, Air, and Land. Washington, D.C.: Naval Historical Center, Department of the Navy, 1994. P. 134.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Публикация: ШИРЯЕВ Владимир Александрович —

*старший преподаватель кафедры огневой подготовки Хабаровского пограничного института
ФСБ России, полковник, кандидат исторических наук (г. Хабаровск)*

ЧУМАКОВ Николай Степанович —

полковник в отставке (г.Хабаровск)

ЯПОНСКИЙ ПЛАН «УМИРОТВОРЕНИЯ» РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(«Предварительный протокол реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской империи, ныне именуемой Дальневосточная Республика»)

Разорённая многолетней войной Советская Россия всё же добилась того, что красные войска к концу 1919 года разгромили главного тогда противника — армию адмирала А.В. Колчака. Однако, освободив Иркутск, они остановились. На востоке от Иркутска на всех важных опорных пунктах и стратегических направлениях Забайкалья и Дальнего Востока стояли гарнизоны 70-тысячного японского экспедиционного корпуса, введённого туда в начале 1918 года по решению стран Антанты с целью оказания помощи чехословацкому корпусу, который при возвращении домой через Дальний Восток попал в сложное положение. Официальные круги Японии утверждали, что на российской территории императорское правительство воздерживается от поддержки той или иной политической партии. Тем не менее это не мешает ему поддерживать Колчака, а затем его преемников — атамана Г.М. Семёнова, генералов Р.Ф. Унгерна, С.Н. Войцеховского, В.М. Молчанова, В.Г. Болдырева, М.К. Дитерихса и др.

В случае продвижения красных войск на восток Советской России грозила война с Японией, в то время как на западе надвигалась опасность советско-польской войны. Чтобы избежать войны с японцами, советское руководство приняло решение создать «буферное» государство между Россией и Японией — Дальневосточную Республику (ДВР). В те дни, когда в Верхнеудинске решался вопрос о создании ДВР, японские войска, дислоцировавшиеся в Приморье и Приамурье, вместо объявленного накануне их вывода с территории Дальнего Востока, в ночь на 5 апреля 1920

года нанесли в спину советским революционным войскам удар, в результате которого погибли тысячи бойцов. Хабаровск был завален трупами мирных жителей.

14 мая 1920 года правительство РСФСР официально признало ДВР и стало оказывать ей всестороннюю помощь. Хотя ДВР была создана, её власть на всей территории Дальнего Востока удалось установить лишь к концу года. В Харбине открылось представительство ДВР, начались официальные переговоры между делегацией ДВР и японским командованием, которые завершились выводом японских войск из районов Забайкалья и Амурской области. Однако Японию и оставшихся лидеров Белого движения на Дальнем Востоке такая ситуация явно не устраивала. В апреле 1921 года представители японского генштаба провели совещание с русскими белыми генералами, в ходе которого был согласован план одновременного нападения на ДВР в Приморье, Забайкалье и Амурской области. В конце мая белогвардейские части при поддержке японцев заняли Владивосток и установили контроль над Приморьем. Почти одновременно в другие районы ДВР вторглись белогвардейские отряды Р.Ф. Унгерна.

Для реализации апрельского плана против ДВР японцы держали наготове свои войска в Приморье, Николаевске-на-Амуре, на Сахалине и в Маньчжурии. Но к тому времени изменилась международная ситуация: после победы над кайзеровской Германией и её союзниками державы Антанты приступили к разработке планов послевоенного устройства мира. В июле 1921 года было объявлено о предстоящем созыве в Вашингтоне конференции стран-победительниц, на которой наряду с другими вопросами намечалось обсудить ситуацию на Дальнем Востоке. Советская Россия, не относившаяся к странам-победительницам, на конференцию в Вашингтоне не была приглашена, хотя и заявила о своей заинтересованности принять участие в её работе.

К тому времени японским правящим кругам стали известны намерения союзников по Антанте: не только ограничить территориальные аппетиты Японии в Китае, но и вытеснить её с русского Дальнего Востока. Чтобы упредить такое развитие событий, по предложению японской стороны 27 августа 1921 года в Дайрене (совр. Далянь, Китай) японцы самостоятельно начали переговоры с представителями ДВР об основах урегулирования спорных вопросов и будущих взаимоотношений между обоими государствами. В ходе переговоров японская делегация выдвинула перед ДВР ряд жёстких условий, в том числе отказ правительства ДВР от введения в республике «коммунистического режима», разоружение военного флота и всех военных укреплений на южном побережье республики, признание свободы проживания и передвижения японских военных чиновников на территории ДВР и права плавания по Амуру и Уссури судов под японским флагом, передача в аренду Японии на 80 лет северной части Сахалина и др. За всё это японская сторона обещала в сжатые сроки вывести свои войска лишь с части территории ДВР — из Приморья. Естественно, что делегация ДВР японские предложения отклонила. В конце ноября белогвардейцы и японцы возобновили военные действия в Приморье. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

Публикация: КЛИМОВ Андрей Алексеевич —

преподаватель кафедры истории Военного университета, подполковник, кандидат исторических наук (Москва)

«НАМ, НЕМЕЦКИМ РАЗВЕДЧИКАМ, ПОРУЧЕН КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОУНОВСКИХ БАНД И ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ИХ БОРЬБЫ С ЧАСТЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ»

Годы борьбы с украинским национализмом на территории Западной Украины — поистине героические в боевой летописи Внутренних войск МВД России. В сложной социально-политической обстановке 40—50-х годов XXвека эти войска решительно и активно пресекали любые попытки националистических формирований ОУН — УПА дестабилизировать обстановку в регионе Западной Украины, терроризировать мирных жителей сёл и городов.

Вызывает сожаление тот факт, что в настоящее время в Украине, особенно в её западном регионе предпринимаются попытки реабилитировать участников ОУН — УПА, сделать из них героев повстанческой борьбы с советским, по их мнению, оккупационным режимом. В 2007году указом Президента Украины командующий УПА Р.Шухевич стал национальным героем страны.

В связи с появлением ранее неизвестных широкой читательской аудитории материалов в печати был опубликован ряд архивных материалов, которые подтверждают мнение, что немецкая разведка на территории Западной Украины вела работу по созданию хорошо экипированных и вооружённых отрядов УПА, которые действовали в советском тылу с террористическими и диверсионными заданиями.

Представленный вниманию читателей документ является характерным примером взаимодействия немецкой разведки с оуновцами. Это сообщение НКВД УССР о задержании немецкого агента А.А.Зайчикова, который для обеспечения доставки добытых шпионских сведений немецкому командованию имел специально выделенного проводника из состава оуновского подполья, с которым неоднократно переходил линию фронта во время Великой Отечественной войны.

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

*ЖАРСКИЙ Анатолий Петрович —
старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, подполковник запаса,
кандидат военных наук (Санкт-Петербург)*

ХОХЛОВ Владимир Сергеевич —

президент — председатель совета Общероссийской общественной организации выпускников, командиров и преподавателей Донецкого ВВПУ, полковник запаса (Москва)

ОРГАНЫ РУКОВОДСТВА ВОЕННОЙ СВЯЗЬЮ В ВЫСШИХ ЗВЕНЬЯХ УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945)

К началу войны руководство силами и средствами связи, используемыми в интересах военного ведомства, осуществляли три не подчинявшиеся друг другу структуры: Управление связи Красной армии (УСКА), отдел связи Оперативного управления Генерального штаба и Народный комиссариат связи (НКС) через свои полевые органы (Цуполесвязи НКС, уполесвязи во фронтах и инспектораты связи — при штабах армий). Наряду с этими органами управления самостоятельно действовали также отделы связи ВВС, ПВО и ВМФ¹.

На руководящие органы военной связи возлагались значительные по своей важности и объёмам задачи. Основными из них являлись: руководство деятельностью войск связи, а также силами и средствами связи НКС по обеспечению связи Генерального штаба, штабов фронтов и армий; формирование новых частей связи и распределение их между фронтовыми и армейскими объединениями; организация производства средств связи и снабжения ими войск связи, а также структур НКС, используемых в интересах вооружённых сил; организация подготовки офицерских кадров и младших специалистов связи для формируемых частей и пополнение их убыли в действующей армии².

Великая Отечественная война стала генеральной проверкой всех предвоенных теоретических основ военной связи. Отдельные положения и взгляды на организацию связи уже с первых её дней пришлось уточнять и конкретизировать³, поскольку возникавшие в ходе широкомасштабных военных действий проблемы повышения эффективности связи, в том числе и системы руководства ею, должны были решаться оперативно, в крайне сжатые сроки.

Обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте в начале войны, вызвала существенные затруднения в обеспечении непрерывного управления войсками и организации связи. Формирование полевых управлений оперативно-стратегических и оперативных объединений происходило в тяжёлых условиях вынужденного отступления советских войск. Руководство войсками осуществлялось с одного пункта управления, перемещение которого в новый район происходило во многих случаях неорганизованно и без заблаговременной подготовки в отношении связи⁴.

С началом военных действий приграничные военные округа не смогли отмотивировать положенные им фронтовые и армейские части связи резерва Главного Командования (РГК). В армейском звене трудности в организации связи обуславливались также и тем, что с ликвидацией корпусного звена управления (к концу 1941г. из 61 стрелкового корпуса было оставлено только 6), число непосредственно подчинённых соединений и частей, с которыми надлежало обеспечивать связь от пунктов управления армии, увеличилось в 3—4раза, а силы и средства связи оставались теми же⁵.

Высокоманёвренные боевые действия требовали сокращения сроков доведения информации. Возникла необходимость обеспечения связи через инстанции⁶.

Отсутствие единого ответственного органа руководства военной связью, «параллелизм» и постоянные трения в работе Управления связи Красной армии, отдела связи Оперативного управления Генштаба и полевых структур Народного комиссариата связи не могли не отражаться на качестве обеспечения связи и управления вооружённой борьбой.

Поэтому 23 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) решил сосредоточить руководство всеми вопросами связи в стране и Вооружённых Силах в одних руках. Начальником Управления связи Красной армии был назначен полковник И.Т.Пересыпкин (с 22 февраля 1944 г. — маршал войск связи) с сохранением за ним поста народного комиссара связи⁷, что сразу же ликвидировало ведомственные барьеры между УСКА и НКС. Если раньше взаимодействие этих двух органов осуществлялось через Наркомат обороны (НКО), а по некоторым важным вопросам — через Совет народных комиссаров (СНК) СССР, то теперь, благодаря единому руководству, между ними был установлен непосредственный контакт.

Это мероприятие, а также назначение начальника Управления связи Красной армии ещё и заместителем наркома обороны (им, как известно, с 19 июля 1941 г. являлся И.В.Сталин) способствовало возрастанию авторитета высшего органа руководства военной связью и оперативному решению всех стоящих перед ним задач.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. (Ставка-фронт). Л.: Военная академия связи (ВАС), 1961. С.56—58; *Пересыпкин И.Т.* Связь в начальный период войны. М.: Воениздат, 1960. С. 35, 36.

2 Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза... С.56; Служба и войска связи в Отечественной войне: Сб.материалов по изучению опыта войны. Март—июнь 1946 г. №23. М.: Воениздат, 1947. С. 100.

3 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 71. Оп. 12171. Д. 131. Л.1—8; Д.100. Л.127; Оп. 12169. Д. 1402. Л. 11—16.

4 Краткие выводы по службе связи Красной Армии за девятимесячный период Отечественной войны с немецкими захватчиками (июнь 1941 — март 1942). М.: Воениздат, 1942. С.61.

5 ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 296521. Д. 10. Л. 175—180; *Курочкин П.М.* Войска связи должны были вступить в войну раньше, чем все остальные рода войск (Публикация А.П.Жарского) // Воен.-истор. журнал. 2008. №1. С.58—62.

6 *Пересыпкин И.Т., Булычёв И.Т.* Связь как основное средство управления войсками // Военная мысль. 1947. №5. С.13—28.

7 20 июля 1944 г. наркомом связи СССР был назначен К.Я.Сергейчук, а И.Т.Пересыпкин сосредоточился на вопросах военной связи, т.е. остался начальником ГУСКА.

преподаватель Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Санкт-Петербург)

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА (1941—1944 ГГ.)

К 65-летию полного снятия блокады Ленинграда

900 дней и ночей сдерживал в жесточайших условиях вражеской осады город-герой Ленинград натиск фашистских войск. В кольце блокады бок о бок сражались воины Ленинградского фронта, матросы Краснознамённого Балтийского флота, солдаты и офицеры Ленинградской армии народного ополчения. В их рядах находился и многочисленный отряд представителей медицинской службы, самоотверженно выполнявших свой профессиональный долг и внёсших вклад в победу над врагом.

Медицинскую службу Ленинградского фронта сперва возглавлял А.Е.Песис (до 9 сентября 1941г.), а затем Д.Н.Верховский. Можно назвать и других опытных специалистов: профессоров П.А.Куприянова (главный хирург), Э.М.Гельштейна (терапевт), С.В.Висковского (эпидемиолог). Начальником управления фронтового эвакуационного пункта (ФЭП) №50 являлись И.М.Черняк и А.И.Спиридонов (с марта 1943г.).

В условиях блокады возник ряд особенностей в организации всех сторон медицинского обеспечения боевых действий Ленинградского фронта. Они предопределялись: упорным характером противостояния, незначительной глубиной тыловых районов войсковых соединений, армий и фронта, большим числом и неравномерностью возникавших санитарных потерь, массовой заболеваемостью личного состава (особенно тыловых частей), алиментарной дистрофией, наличием постоянной угрозы распространения среди осаждённых эпидемических заболеваний, ограниченными возможностями эвакуации раненых и больных за пределы фронта и необходимостью в этой связи их лечения на месте.

Предусмотренные штатами санитарные отделения рот укомплектовывались из расчёта один санитарный инструктор и 4 санитаря, в обороне оборудовавшие ротный санитарный пост. Санитарный взвод батальона включал старшего фельдшера, санитарного инструктора и 4 санитаров. Обеспечивавший работу батальонного медицинского пункта (БМП), он располагал из транспортных средств санитарной повозкой, выделяемой санитарной ротой полка. Для вывоза тяжелораненых с поля боя и оказания им помощи использовались лодочки-волокуши, лыжно-носилочные установки, собачьи упряжки (нартовые и колёсные)¹. Санитарные роты полков развёртывали и обеспечивали работу полковых медицинских пунктов (ПМП), где раненым и больным оказывалась как фельдшерская, так и первая врачебная помощь.

Все дивизии располагали штатными отдельными медико-санитарными батальонами (ОМСБ), которые оборудовали дивизионные пункты (ДМП). Здесь раненых и больных «сортировали», а нуждавшимся по медицинским показаниям оказывалась квалифицированная хирургическая помощь.

До 1942года в распоряжении санитарных отделов армий и оперативных групп фронта имелись лишь некоторые временно приписанные войсковые и полевые подвижные госпитали (ВПГ и ППГ) с функциональными возможностями, свойственными ДМП. Формирование полагавшихся госпитальных баз армий (ГБА) было проведено в период с января по апрель 1942-го. В их состав наряду с ВПГ и ППГ были включены эвакуогоспитали (ЭГ), инфекционные госпитали (ИГ), а с середины того же года госпитали для лечения легкораненых (ГЛР)². В некоторых из госпиталей за счёт придания им специализированных групп усиления из армейских отдельных рот медицинского усиления (ОРМУ) были созданы специализированные отделения для лечения раненых в голову, шею и позвоночник. Так, к августу общая ёмкость ГБА 23-й армии составляла 4600коек, 42-й — 5700, 55-й — 5200³.

Для эвакуотранспортных целей в армиях первоначально имелось всего лишь 159 автомобилей, в том числе 79 санитарных и 80 грузовых, но вскоре их число возросло до 177единиц (50 санитарных и 125 грузовых)⁴.

К моменту установления блокады входившая в состав ФЭП №50 госпитальная база фронта (ГБФ) включала 24 сформированных Ленинградским городским отделом здравоохранения ЭГ, два сортировочных эвакуогоспиталя (СЭГ), а также имела в 58 городских лечебных учреждениях так называемые оперативные койки. В целом в ГБФ насчитывалось 21820коек при их загрузке на 111проц.⁵ Ёмкость ГБФ постепенно увеличивалась, достигнув в марте 1942года своей максимальной величины — 85233 койки⁶. В составе эвакуотранспортных средств, подчинённых военно-санитарному управлению (ВСУ) фронта, находилось: 3 автосанитарные роты (АСР) с 220автомобилями, 5 военно-санитарных поездов (ВСП), 6 военно-санитарных летучек (ВСЛ), санитарные суда «Советская республика» и «Онега»⁷.

Важнейшим фактором, определявшим организационные формы и содержание деятельности медицинской службы, являлись размер и структура возникавших в войсках фронта санитарных потерь. В условиях полной блокады в её разные периоды потери были неодинаковы и своих максимальных размеров достигли в августе—декабре 1942года, когда войска вели наступательные бои «местного значения», вызвавшие повышение удельного веса раненых. В общем числе понесённых войсками санитарных потерь раненые составляли 65,4, контуженные — 3, обожжённые — 3,4, обмороженные — 5,5, больные — 22,7проц.⁸ Большое количество последних объяснялось ростом заболеваемости воинов (особенно тыловых частей) алиментарной дистрофией, цингой, туберкулёзом, гипертонической болезнью и некоторыми инфекционными заболеваниями.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (АВММ МО РФ). Ф.25. Оп.5862. Д.2. Л.8, 9, 91, 92.

² Там же. Оп. 46176. Д. 1. Л. 150.

³ Там же. Оп. 23. Д. 37. Л. 48; Ф. 21. Оп. 4064. Д. 25. Л. 74.

4 Там же. Оп. 5727. Д. 3. Л. 24.

5 Там же. Оп. 4064. Д. 25. Л. 77, 78.

6 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 3215. Оп. 4. Д. 61. Л. 29.

7 АВММ МО РФ. Ф. 1. Оп. 46178. Д. 2. Л. 13.

8 Там же. Ф. 65. Оп. 7669. Д. 3. Л. 23; Оп. 1532. Д. 4. Л.137; Ф.85. Оп. 5852. Д. 1. Л. 457; Оп. 7725. Д. 2. Л. 365—370.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

ГРАЧЁВА Ольга Анатольевна —

*доцент Московского пограничного института ФСБ РФ, майор, кандидат исторических наук
(Москва)*

ДВЕ СУДЬБЫ

История искусства знает немало примеров, когда произведение как бы отрывается от автора и живёт собственной жизнью. Особенно характерно это явление для музыкального мира, когда многие песни переходят в разряд народных, хотя и музыка, и слова имеют авторское начало. Примерно такая судьба постигла авторов старого русского гимна «Боже, царя храни» и вальса «На сопках Маньчжурии».

Как известно, в начале XIX века Россия, как и ряд других европейских государств, использовала с соответствующими изменениями текста английский государственный гимн. Во времена Екатерины III гимном служил полонез И.А.Козловского на стихи Г.Р.Державина «Гром победы, раздавайся». Идея изменения гимна, имеющего мелодию польского полонеза, витала в воздухе после подавления польского восстания 1830—1831 гг. Поводом же послужил случай. В 1833 году Николай I предпринял путешествие в Австрию и Пруссию, где его встречали английским маршем. Музыка царю понравилась, и он дал задание сопровождавшему его А.Ф.Львову написать новый гимн.

Алексей Фёдорович Львов (1798—1870) происходил из старинного дворянского рода, представители которого, будучи офицерами, внесли немалый вклад в копилку художественной культуры России. Так, его дед Н.А.Львов, служивший в бомбардирской роте лейб-гвардии Измайловского полка, был первым переводчиком сонетов Петрарки, писал музыку, увлекался

театром и живописью. А.Ф.Львов получил хорошее музыкальное образование, в 1818 году с отличием окончил инженерное училище и был направлен в распоряжение А.А.Аракчеева для строительства военных поселений. В 1826 году А.Ф.Львов стал старшим адъютантом при управляющем 3-м отделением корпуса жандармов, а через год определён по делам, касающимся поездок государя по России и за границу. В 1836 году А.Ф.Львов получил чин полковника, в конце того же года на него возложили обязанности директора Придворной певческой капеллы. В 1849 году он был утверждён в этой должности и исполнял её до 1861 года, проявив себя не только как талантливый музыкант и композитор, но и как хранитель российского музыкального наследия.

Получив высочайшее указание, А.Ф.Львов осознал «надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, для войны, для всего народа, — от учёного до невежи включительно». Музыка была положена на слова В.А.Жуковского, которые считались молитвой русского народа. Гениальность львовской находки состояла в простоте формы и силе идеи. Русский гимн оказался самым кратким в мире: всего 6 строк текста и 16 тактов легко запоминающейся мелодии. Возможно, это послужило тому, что её в дальнейшем использовали в своих произведениях многие композиторы.

В 1908 году в связи с широко отмечавшимся 75-летием гимна в Мариинском театре состоялся посвящённый этому событию спектакль, а внук композитора — капитан 1-го железнодорожного батальона Львов преподнёс Николаю II хранившуюся в семье реликвию — оригинал гимна «Боже, царя храни». Ответный подарок не заставил себя ждать. Это был серебряно-вызолоченный ковш с вензелем его величества и государственным гербом с надписью: «Всемилоостивейше жалуется I-го железнодорожного батальона капитану Львову за поднесённый им оригинал его деда «Русский народный гимн». 22 февраля 1909 г. Царское Село».

До крушения империи и полного забвения гимна и его создателя оставалось ровно 8 лет.

Забытым, в отличие от своего творения, оказался и создатель вальса «На сопках Маньчжурии» композитор Илья Алексеевич Шатров (1879—1952), вольнонаёмный капельмейстер 214-го Мокшанского полка, участвовавшего во многих боях в ходе Русско-японской войны 1904-1905 гг.

Особенно полк отличился под Мукденом, в феврале 1905 года, 10 дней удерживая позиции возле железной дороги, не давая тем самым противнику завершить окружение русских войск. Страшное напряжение февральских боёв капельмейстер полка выразил в музыке. Так в 1906 году появился вальс «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Теперь бы сказали, что он сразу стал хитом сезона. Уже в следующем году были выпущены граммпластинки, правда, с укороченным названием: «На сопках Маньчжурии».

И.А. Шатров был награждён серебряной медалью «За усердие», затем, уже произведённый в чин коллежского регистратора, получил орден Святого Станислава 3-й степени с мечами. Наградой послужил и крупный гонорар за вальс.

Дальнейшая судьба автора вальса сложилась по тем строгим временам удачно. В Новосибирске (тогда Новониколаевск), куда капельмейстер царской армии бежал от революции, его мобилизовали в РККА, где коллежский регистратор дослужился до техника-интенданта 1 ранга. В 1938 году демобилизовали по возрасту, однако весной 1945 года вновь зачислили в ряды Вооружённых Сил, но с новой датой рождения — 1885 год. С 1951 года Илья Алексеевич служил в должности заведующего музыкальной частью Тамбовского суворовского училища, получил звание майора, умер в 1952 году, похоронен в Тамбове.

ПРИМЕЧАНИЯ

Козловский Осип (Иосиф, Юзеф) Анатольевич (1757—1831) – русский композитор, поляк по национальности, один из создателей русского романса и героико-патриотических полонезов.

2 В частности, в библиотеке Придворной певческой капеллы он обнаружил собственноручную партитуру Д.С.Бортнянского на вечернюю молитву «Коль славен наш Господь в Сионе», исполнявшуюся в полках Отдельного гвардейского корпуса. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.472. Оп.3, 1842. Д.172. Л.1—4.

3 См.: «Записки» А.Ф.Львова, опубликованные в «Русском архиве». 1884. Вып. №4, 5.

4 РГИА. Ф.500. Оп.1, 1908. Д.625. Л.29.

5 Там же. Ф.468. Оп.8, 1909. Д.976. Л.50—62.

6 См. подробнее: *Ерёмин Г.В.* Мокшанский полк на сопках Маньчжурии // Воен.-истор. журнал. 1992. № 10.

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

ЛОБАНОВ Андрей Владимирович —

начальник военного представительства МО РФ, подполковник (Москва)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ: ВОЙНА МОТОРОВ

Двигатели воздушного охлаждения

В Советском Союзе долгое время двигателями воздушного охлаждения оснащались практически все истребители, состоявшие на вооружении ВВС. Однако в начале 1940-х годов для новых истребителей выбор был сделан в пользу двигателей жидкостного охлаждения, имевших меньшее поперечное сечение и обеспечивавших лучшую аэродинамику.

Тем не менее в ходе войны, когда выяснилось, что резкое увеличение мощности двигателей жидкостного охлаждения, о чём речь шла в начале статьи — дело довольно долгое, снова вернулись к использованию двигателей воздушного охлаждения¹.

В СССР основным разработчиком двигателей воздушного охлаждения для истребителей было ОКБ А.Д. Швецова. В 1939–1940 гг. здесь велись работы по созданию двухрядных звездообразных двигателей трёх типов: 14-цилиндровых М-81 и М-82 и 18-цилиндрового М-71.

В 1940 году малогабаритный М-82 диаметром 1260 мм вместо 1375 мм, как у предшествующих моделей, прошёл испытания и был запущен в серию. Благодаря значительной унификации по типоразмерам со своими старшими собратьями М-62 и М-63 промышленность использовала уже имевшуюся оснастку, что удешевляло производство и ремонт, а меньший диаметр двигателя обеспечивал заметное снижение аэродинамического сопротивления.

Двигатель М-82 представлял собой двухрядную 14-цилиндровую «звезду», имел взлётную мощность 1700 л.с. и номинальную 1330 л.с. на высоте 5400 м. Двигатель нравился лётчикам своей надёжностью, простотой в эксплуатации и необыкновенной живучестью: отмечались многочисленные случаи сохранения им работоспособности даже с пробоинами в цилиндрах. Опыт эксплуатации М-82 показал, что без ущерба для его надёжности и долговечности можно постоянно использовать форсированный взлётный режим, что позволяло получить более высокую мощность на малых высотах. Данный форсированный двигатель получил обозначение М-82Ф.

Однако не всё было так хорошо, как хотелось бы. Оснащённые двигателями М-82 и М-82Ф истребители Ла-5 и Ла-5Ф не показывали предполагаемых лётных характеристик, причём прежде всего из-за «провала» мощности при переходе с первой на вторую скорость ПЦН. Так, истребитель Ла-5Ф имел на высоте 2100 м скорость 594 км/ч, а на 3000 м она падала до 581 км/ч и возрастала вновь до 592 км/ч на высоте 6000 м. Выход был найден в применении помимо дополнительного форсирования непосредственного впрыска топлива в цилиндры. Эта модификация двигателя получила обозначение М-82ФН. Истребители Ла-5ФН и Ла-7, оснащённые таким двигателем, развивал на номинальном режиме работы двигателя скорость, превышавшую 600 км/ч на всех высотах свыше 2000 м. В результате в диапазоне высот от 2000 до 5000 м эти самолёты Лавочкина имели превосходство в скорости и скороподъёмности над большинством немецких истребителей³.

* Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2009. № 3.

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, благодаря наличию двигателя воздушного охлаждения М-82 истребитель ЛаГГ не сняли с производства, а установка данного двигателя на истребитель ЛаГГ-3, можно сказать, спасла завод № 19 в г. Перми от перепрофилирования под выпуск двигателей разработки КБ А.А. Микулина.

² Самолётостроение в СССР. 1917—1945. Кн. 2. М.: Изд. отдел ЦАГИ, 1992. С. 182.

³ Надо сказать, что в начале массового производства не удавалось обеспечить необходимого качества Ла-7, который требовал больших усилий, чем при изготовлении Ла-5ФН, в результате его потери в скорости составляли до 20, а иногда и до 40 км/ч. Впоследствии, во второй половине

1944 г. от большинства дефектов удалось избавиться, и характеристики Ла-7 стали практически соответствовать проектным.

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Олейников Алексей Владимирович —

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Астраханского государственного технического университета, кандидат юридических наук (г.Астрахань)

ГЕНЕРАЛ П.А. ПЛЕВЕ И БОИ В ПРИБАЛТИКЕ ВЕСНОЙ—ОСЕНЬЮ 1915ГОДА

Имя генерала от кавалерии Павла Адамовича Плева, представителя плеяды талантливых отечественных полководцев Первой мировой войны 1914—1918гг., почти незнакомо любителям военной истории. Он закончил свой земной путь в марте 1916года, не дожив до революционных событий 1917-го и последовавшей затем Гражданской войны, которой в основном и обязаны широкой известностью многие русские военачальники — его современники. Между тем ратный труд Плева на полях Первой мировой заслуживает всестороннего внимания.

Блестящий тактик, Павел Адамович был приверженцем энергичных действий, мастером манёвра и флангового удара, более того, стал по сути дела «палочкой-выручалочкой» Русского фронта: для выправления критической ситуации его неизменно посылали в самые «горячие» точки. Именно ведомые им войска противостояли самому сильному участнику Четвертного союза — германской армии и боролись против него с успехом.

В 1915году в Прибалтике удалось сохранить фронт во многом благодаря его усилиям. Причем нельзя забывать: Первая мировая — война нового типа, сразу предъявившая исключительно жёсткие требования к командному составу. Не весь российский генералитет смог преодолеть стереотипы, сориентироваться должным образом. Однако Плева, человек уже солидного возраста, проявил себя лучше многих более молодых военачальников, достойно и грамотно руководя вверенными ему силами.

Павел Адамович Плева родился 30мая* 1850года. Он происходил из семьи дворян Петербургской губернии евангелистско-реформаторского вероисповедания¹, образование получил в Варшавской классической гимназии, Николаевском кавалерийском училище, Академии Генерального штаба. За полувековую карьеру Плева стал участником двух войн (Русско-турецкой 1877—1878гг. и Русско-японской 1904—1905гг.), пройдя все ступеньки военной карьеры, и встретил Первую мировую войну генералом от кавалерии и командующим войсками Московского военного округа, командовал войсками 5-й и 12-й армий, Северным фронтом. Венцом военной карьеры Плева

(после участия в Галицийской, Варшавско-Ивангородской, Лодзинской операциях 1914г., Праснышской операции февраля—марта 1915г.) стали сражения в Прибалтике 1915-го.

Русское командование, уделяя главное внимание польско-карпатскому участку фронта, недооценивало прибалтийское направление, сосредоточив на нём явно недостаточное количество войск. Пока наши войска удерживали в своих руках, хотя бы частично, территорию Восточной Пруссии, неприятель не способен был распространяться в направлении среднего и нижнего течения Немана. Но в связи с отступлением после февральских боев 10-й русской армии к Неману и Бобру противник получал возможность продвигаться не только к Ковно, но и в обход его с севера, со стороны Тильзита на Шавли. Значение Риго-Шавельского района, через который возможен был обход наших войск с севера, приобретало огромную значимость.

Уже с начала апреля стало заметно усиление вражеских войск на линии Кёнигсберг — Инстербург с выдвиганием конницы к нижнему течению Немана. Германская демонстрация сил, начатая 14 апреля армейской группой Лауенштейна (6-я, 3-я и Баварская кавалерийские, 78, 36 и 6-я резервные пехотные дивизии — ядро будущей Неманской армии), неожиданно принесла успех: противник заметно продвинулся и овладел Шавли. Оценив стратегическую важность этого театра военных действий, германское командование усилило натиск. К 25апреля противник овладел Южной Курляндией и взял Либаву, тем самым создав угрозу русским военно-морским силам на Балтике. В опасности оказалось и рижское направление. Наши малочисленные войска (68-я пехотная дивизия, части пограничной стражи и государственного ополчения) отошли на Виндаву и Дубиссу.

Перебросив на угрожаемый участок вначале 19-й армейский корпус генерала от инфантерии В.Н.Горбатовского и 1-й кавалерийский корпус генерала от кавалерии В.А.Орановского, а затем управление 12-й армии (24мая прибыло в Митаву) во главе с Плеве (вскоре переименовано в 5-ю армию и насыщено войсками), русские сцементировали фронт, вернув Шавли. Комментарий немецкой стороны: «После жестоких боев мы остановились у берегов Дубиссы. Мы не могли долго удерживать Шавли и успели вывезти лишь часть богатых и столь важных для нас кожаных запасов. Уже в мае нам пришлось отдать город противнику»², — весьма ярко иллюстрирует сущность политики новых «цивилизаторов» Прибалтики. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 12. Д. 24237. Л. 3.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. / Пер с нем. М.: Госиздат, 1924. Т. 1. С. 116.

Носов Константин Сергеевич —

*соискатель кафедры Истории российской государственности Российской академии
государственной службы при Президенте РФ (Москва)*

РУССКИЕ КРЕПОСТИ КОНЦА XV—XVII ВВ.

Конструктивные особенности

Большинство более или менее сохранившихся до наших дней русских каменных и кирпичных крепостей были возведены в XV—XVII вв., более ранние же укрепления являлись, как правило, дерево-земляными, и от них остались лишь валы и рвы. Однако, несмотря на плохую сохранность, изучены древние крепости в целом значительно лучше, чем их более поздние аналоги. Предлагаемая вниманию читателей статья, автор которой делает обзор крепостных сооружений с конца XV до конца XVII века, призвана в некоторой степени восполнить этот пробел.

В конце XV — начале XVI века Москва присоединяет к себе последние независимые княжества и республики (Новгород, Псков), складывается Русское централизованное государство, что отражается на общей стратегии обороны страны и на значимости Москвы как столицы и «главного командного пункта». Определяющим фактором развития оборонительных сооружений в рассматриваемый период становится артиллерия. К середине XV века пушки постепенно вытеснили метательные машины и вызвали радикальные изменения в военном зодчестве и осадном искусстве.

Первоначально огнестрельные орудия использовались главным образом в обороне. В связи с этим с начала XV века крепостные башни начинают перестраивать, чтобы приспособить их под установку пушек. Обычно в надвратной башне устанавливали тюфяк¹, а в остальных — пушки-пищали, стрелявшие ядрами. Возросшая роль артиллерии как при осаде крепостей, так и при их обороне привела к необходимости увеличения числа башен с напольной стороны крепости. Затем башни равномерно распределяют по всему периметру крепости, и они становятся узлами обороны. При этом участки стен между ними (прясла) выпрямляют, что позволяет вести фланкирующий обстрел подступов к стене с прилегающих башен.

Тенденции к равномерному распределению башен и выпрямлению прясел в идеальной форме нашли своё выражение в так называемых регулярных крепостях, имеющих в плане правильную геометрическую форму со строго симметричным расположением стен и башен². Оборона регулярных крепостей становится уже полностью активной. Фронтальный огонь со стен и башен перекрещивался с фланговым обстрелом с башен, образуя на подступах к крепости сплошную зону поражения.

Одно время считалось, что регулярные крепости прямоугольной плановой структуры впервые появились в Псковской земле в середине — второй половине XV века³. На самом же деле первой, действительно регулярной, стала квадратная в плане крепость Ивангород, возведённая в 1492

году на границе с Ливонским орденом. Следует отметить, что в XVI—XVII вв. все новые крепости, если позволял рельеф местности, старались строить правильной формы. Правда, удавалось это не всегда. Более того, крепостям, построенным ранее, часто невозможно было придать правильную геометрическую форму, поэтому перестраивали их в соответствии с новыми требованиями: участки стен выпрямляли и на углах ставили фланкирующие башни. Перед тем как приступить к строительству, составлялись чертежи, а часто и модели оборонительных конструкций. Чертежи известны с XVI века, а модели использовались и ранее (древнейшая модель храма датируется рубежом X—XI вв.). Особую популярность модели — образцы укреплений приобретают в конце XVI века. Известно, что перед строительством стен Белого города в Москве (1586—1593 г.), крепости в Смоленске (1596—1602 г.) и Борисове-городке (заложен в 1598 г.) строили модели стен и башен и фрагменты их укреплений⁴. В 1631 году, до начала строительства земляной крепости бастионного начертания, в Ростове на Борисовском дворе был создан образец укреплений, который осмотрел и одобрил царь Михаил Фёдорович⁵.

Прекрасными образцами регулярных крепостей XVI века служат Зарайский и Тульский кремль, а также крепости, возведённые Иваном Грозным вокруг Полоцка, взятого русскими войсками. В 1565 году здесь разворачивается строительство деревянных крепостей регулярной планировки: треугольных (Красный, Козьян), прямоугольных (Туровль, Суша), трапециевидных (Ситна). Крепости нужно было возвести в кратчайшие сроки, так как существовала постоянная угроза нападения неприятеля, поэтому применили метод сборного строительства, освоенный в Свияжске. Это значит, что сначала срубы делали где-то на стороне, брёвна маркировали, затем разбирали и перевозили (обычно сплавляли по воде) на место сборки. В Москве в XVI—XVII вв. существовал рынок по продаже готовых домов и других деревянных построек⁶.

Первой известной нам крепостью, сооружённой методом сборного строительства, стал Свияжск. Для взятия Казани требовалось создать военную базу в непосредственной близости от татарской столицы. Сделать это под носом у врага оказалось крайне сложно. Поэтому для возведения крепости применили приём сборного строительства. Зимой 1550/51 годов в лесах под Угличем заготовили элементы стен, башен и других построек. После пробной сборки всё разобрали, брёвна поместили и сплывали их на судах и плотках по Волге. Уже в мае 1551 года в устье Свияги была заложена крепость, получившая название Свияжск. По-видимому, при замерах произошла типичная не только для того времени, но и для наших дней ошибка — на крепость потребовалось больше леса, чем было заготовлено⁷. Пришлось использовать местный лес. Несмотря на это, крепость возвели всего за четыре недели, а ведь периметр её стен превышал протяжённость стен Московского Кремля.

Рубленые деревянные стены со второй половины XV века стали делать из двух-трёх параллельных бревенчатых стен, соединённых примерно через 6—8 м поперечными стенами-связками. В результате стена состояла из одного-двух рядов срубов, которые обычно засыпали землёй или камнями. На определённых расстояниях располагались не засыпанные землёй срубы, которые использовались для устройства бойниц подошвенного боя и установки орудий.

Такие стены могли выдерживать удары пушечных ядер не хуже каменных. Более того, иногда предпочитали строить именно такие деревянные стены, а не каменные, так как брешь в стене с земляной засыпкой не приводила к столь сильному разрушению, как это наблюдалось у каменных стен. Правда, деревянные стены имели свои недостатки — они быстро загнивали и легко горели (в большинстве случаев их уничтожал не огонь противника, а собственные частые пожары).

Участки стен между поперечными стенками назывались *тарасами*. Они могли быть прямоугольной, трапециевидной или треугольной формы. Каждая тараса представляла собой сплошную стену с продольными брёвнами, соединёнными друг с другом внахлёстку. Стены тарасами более совершенны, чем стены *городнёй*, когда отдельные звенья клеток просто приставлялись друг к другу, и ничем не связанные между собой, давали неравномерную осадку, что затрудняло движение воинов по пряслу в ходе боя. Обычно длина тараса составляла 3 или 4 сажени.

* 1 сажень = 2,134 м

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Старинное русское дульно-зарядное гладкоствольное артиллерийское орудие для поражения живой силы противника дробом (картечью).
- 2 В плане эти крепости бывали треугольными, прямоугольными, трапециевидными, пятиугольными и других форм. По углам этих геометрических фигур неизменно располагались башни, фланкирующий огонь с которых позволял держать под контролем прилегающие участки стен.
- 3 К ним относили крепости Гдов, Володимерец, Кобыла, Красный городок. См.: *Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XV вв. // *Материалы и исследования по археологии СССР (МИА)*, № 105. С. 86—89, 217; *Косточкин В.В.* О «регулярной» планировке в крепостной архитектуре Русского государства // *Ежегодник Института истории искусств АН СССР за 1957 г. М., 1958.* С. 120; Однако недавно было доказано, что все псковские крепости, возведённые в XV в., строились с учётом рельефа местности, а фортификации указанных крепостей были возведены позднее. См.: *Артемьев А.Р.* К вопросу о типологии крепостного зодчества в Псковской земле XV в. // «Советская археология» (СА). 1990. № 3. С. 264—270.
- 4 *Косточкин В.В.* К вопросу о традициях и новаторстве в русском зодчестве XVI—XVII вв. // *Архитектурное наследство (АН)*. Вып. 27. М., 1979. С. 32.
- 5 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АК). Т. IV. № 14 (1646 г.). С. 47.
- 6 *Косточкин В.В.* Из истории русского сборного строительства XVI в. (новые данные о полоцких крепостях Ивана Грозного) // *АН*. Вып. 18. М., 1969. С. 118.
- 7 Казанский летописец, 7059 (1551) г. (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIX. С. 306—307). Никоновская летопись, 7059 (1551) г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 164).

ТИХОМИРОВ Артём Валдекович —

*старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Военной академии связи, полковник, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОФИЦЕРСКИХ СОБРАНИЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Вопросы организации и деятельности офицерских собраний в отечественных вооружённых силах неоднократно освещались в различных изданиях. Наиболее слабым местом этих публикаций, как правило, является недостаточное знакомство с действительными нормативными актами по данной теме и использование взамен этого вторичных источников. Настоящая статья имеет целью осветить порядок создания и деятельности офицерских собраний именно на основе нормативно-правовых документов.

К середине XIX века офицерские, или, как тогда их называли, военные собрания или клубы функционировали на основании уставов, не имевших общего нормативного источника, разрабатывавшихся для каждого собрания отдельно и во многом отличных друг от друга. В 1869 году при военном ведомстве была создана специальная комиссия для проработки вопроса об устройстве военных собраний и военных библиотек. В ходе работы комиссией были выработаны основные положения по организации военных собраний, которые в 1871 году были опубликованы на страницах журнала «Военный сборник» в виде проекта «Устава военных собраний»¹.

Этот проект и его обсуждение стали основой для разработки приказа по военному ведомству № 289 от 4 ноября 1874 года, который в официальном порядке в соответствии с решением Военного совета ввёл к руководству «Устав военных собраний»². К сожалению, о существовании этого первого нормативно-правового документа, относившегося к устройству офицерских собраний, во многих современных публикациях ничего не говорится³. Не знакомые с ним авторы, взяв за первоисточник статью «Военные собрания» из 6-го тома дореволюционной «Военной энциклопедии», вслед за ней ошибочно утверждают, что первым официальным документом было «Положение об офицерских собраниях», утверждённое приказом по военному ведомству в 1873 году⁴. В действительности же в 1873 году был издан приказ (№8 от 6 января), относившийся лишь к такому частному вопросу, как порядок выделения средств на устройство и содержание офицерских собраний, столовых и библиотек⁵.

Вернёмся к приказу № 289 1874 года, введшему «Устав военных собраний». В нём говорилось, что данный устав следует «принять к руководству, как нормальный для всех военных собраний, как теперь существующих, так и имеющих вновь учредить». Оговаривалось, что в случае надобности каждое военное собрание может дополнять статьи этого «нормального устава» «изданием разных более определительных и подробных правил, утверждение которых возложить на

начальников дивизий и лиц, равных им по власти», с последующим докладом в Военное министерство.

Устав устанавливал цели военных собраний: доставить офицерскому обществу средства для взаимного сближения между всеми членами его и развлечения в свободное от службы время, содействовать развитию в его среде военного образования и по возможности удешевить жизнь офицеров. При этом Устав определял возможность организации собраний как для отдельной части, так и для нескольких частей, «совместно расположенных». В первом случае собрание получало название «полкового собрания» такого-то полка или «бригадного собрания» такой-то артиллерийской бригады, во втором оно именовалось по месту учреждения. Собственно, во втором случае подразумевались офицерские собрания в войсках гарнизонов, в центрах дислокации дивизий и других войск.

Устав предусматривал: «В помещении собрания находятся: библиотека, бильярд, фехтовальные и гимнастические принадлежности, игра в шахматы и другие, специально разрешённые в военном собрании. В определённые дни читаются лекции, устраиваются беседы, военная игра; иногда же устраиваются танцевальные, музыкальные и т.п. вечера». В Уставе определялись состав собрания, действительные и почётные члены, постоянные и временные посетители и гости, средства собрания и плата за участие, права членов и их обязанности, выбор старшин и их обязанности, порядок ревизии и отчётности, организация баллотировок (голосований), устройство хозяйственной части собрания (включая буфет) и внутренний порядок, время открытия собраний и общий порядок, правила для игр, допускаящихся в военных собраниях, порядок подачи заявлений и жалоб, устройство библиотеки.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Об устройстве военных собраний и общих офицерских столов // Военный сборник. 1871. № 9. С. 57—103.

2 Приказ по военному ведомству № 289 // Приказы по военному ведомству за 1874 год. СПб., 1874.

3 Подтверждением этому является, в частности, отсутствие всякого упоминания об «Уставе военных собраний» 1874 года в статье «Офицерские собрания» в 6-м томе российской «Военной энциклопедии» (М., 2002. С. 201, 202).

4 См., например: Назаров А.Н. История офицерских собраний армии и флота России. М., 1990. С. 38; Морихин В.Е. Традиции офицерского корпуса России: Научно-ист. исследование. М., 2003. С. 251; Коровин В., Свиридов В. Суды чести и офицерские собрания на страже военных традиций в XIX — начале XX века // Воен.-истор. журнал. 2005. № 11.

5 Приказ по военному ведомству № 8 // Приказы по военному ведомству за 1873 год. Т. 1. СПб., 1873.

6 В год для обер-офицеров — 5 рублей, для штаб-офицеров — 10, для генералов — 20 рублей.

60 ЛЕТ В ОДНОМ СТРОЮ С ВООРУЖЁННЫМИ СИЛАМИ

19мая 2009года исполняется 60лет со дня образования 17 Центрального проектного ордена Трудового Красного Знамени института связи Министерства обороны Российской Федерации (17 ЦПИС МО РФ).

История создания и деятельности института неразрывно связана с историей нашего государства и его вооружённых сил. Ещё в конце Великой Отечественной войны в районах, освобождённых от фашистских захватчиков, развернулись работы по восстановлению разрушенного народного хозяйства, в том числе предприятий и линий связи. Во время войны были выведены из строя более тысячи телефонных станций, но уже к 1948году довоенный уровень был превзойдён как по монтированной ёмкости, так и по количеству телефонных аппаратов. Были усовершенствованы и объекты спецсвязи, ибо началась реорганизация вооружённых сил и перевод армии и флота с военного на мирное время, в связи с чем изменялось и управление ими.

Для восстановления и реконструкции существовавших, а также для строительства новых объектов связи формировались ремонтно-восстановительные и строительно-монтажные подразделения и части связи, в составе которых находились проектные бюро и отделы, ставшие позже как бы фундаментом Центрального проектного института связи МО РФ.

В этот период проектные решения и документацию, необходимые для организации строительства объектов связи, приходилось разрабатывать в основном на месте, «подгоняя» их параметры под имеющуюся на складах технику и оборудование, в том числе и трофейную. Основными объектами проектирования и строительства были узлы связи штабов военных округов, объединений, соединений, а также гарнизонные узлы и линии связи.

19мая 1949года приказом маршала войск связи И.Т.Пересыпкина была объявлена директива главкома Сухопутных войск о формировании Проектно-технического управления (ПТУ) войск связи Сухопутных войск на базе проектно-конструкторского отдела 52 отдельного строительно-монтажного полка связи с размещением в г.Мытищи. Эта дата и является днём образования института. Новое управление возглавил полковник М.А.Павлюченко, его сменил полковник М.Г.Скрябин, затем полковник Н.И.Корсунский. Главными инженерами в то время были полковник П.Г.Суровов, позже — полковник В.М.Чижов.

Это был период развёртывания «холодной войны» и гонки вооружений, военных конфликтов и локальных войн в различных регионах мира. Советский Союз форсировал работы над новейшими видами вооружений. Появилось ракетно-ядерное оружие, изменившее как военную доктрину страны, так и стратегию, оперативное искусство и тактику вооружённых сил. Началось оснащение армии и флота ракетно-ядерным оружием, формирование ракетных войск. Всё это привело к очередным значительным изменениям в системе управления вооружёнными силами и в организации военной связи в целом, совершенствование которой проводилось применительно к

условиям возможной ракетно-ядерной войны. Большое значение приобрёл фактор времени, повышение уровня боеготовности системы связи и войск связи, устойчивое управление войсками, защита сил и средств связи от оружия массового поражения. Кроме того, с образованием в 1955 году Объединённых Вооружённых сил стран-участниц Варшавского договора потребовалось техническое содействие союзным государствам в проектировании и строительстве системы управления и связи ОВС.

В соответствии с этими изменениями в составе ПТУ были созданы специализированные отделы, круг задач других значительно расширился.

В 1960 году Проектно-техническое управление Сухопутных войск было преобразовано в Проектно-техническое управление сооружений связи в составе Центрального научно-исследовательского испытательного института связи Министерства обороны, место дислокации — г. Мытищи.

22 мая 1962 года в соответствии с директивой Генерального штаба ВС СССР на базе Проектно-технического управления сооружений связи формируется самостоятельный Центральный проектный институт связи Министерства обороны, которому присваивается условное наименование — войсковая часть 44910. Начальником института назначен полковник Н.И. Корсунский, главным инженером — полковник А.Б. Чаусов. Учитывая специфику Ракетных войск, в составе института создаётся Управление по проектированию объектов связи Ракетных войск, которое возглавил В.Я. Парамонов, его заместителем был назначен Е.А. Алёхин.

В это же время проводится работа по передислокации института в Сокольники, завершившаяся в 1964—1965 гг. В 70-х годах прошлого века для института в Сокольниках был возведён 8-этажный инженерно-конструкторский корпус по проекту архитектора М.Я. Сорокина, что полностью закрыло вопрос с производственными помещениями.

Важную роль в создании и развитии института сыграли начальники войск связи маршалы войск связи А.И. Леонов и А.И. Белов. Они содействовали делу пополнения института высококвалифицированными кадрами и необходимым оборудованием. В этот период времени с флотов, округов и из Военной академии связи в институт были направлены более 50 офицеров-специалистов, имевших опыт проектирования и эксплуатации объектов связи, совершенствовалась организационно-штатная структура института, проектные отделы приобретали ещё большую специализацию. В стенах института осуществлялось проектирование стационарных объектов связи для всех видов и родов вооружённых сил, прежде всего для Ракетных войск, создавались в чертежах крупные защищённые узлы связи пунктов управления, в том числе мощные приёмопередающие центры, многоканальные линии связи и т.п. В эти годы также разрабатывались и внедрялись новые радиорелейные и тропосферные станции, создавались комплексы земных станций спутниковой связи специального назначения. Совместно с предприятиями промышленности и научно-исследовательскими и учебными организациями Министерства обороны разрабатывались проекты защищённых антенн, объектов Единой системы спутниковой связи, радио- и спутниковой разведки. При этом многие проекты создавались впервые и по сей день являются уникальными.

Институт разрабатывал проекты реконструкции и нового строительства учебных корпусов и других сооружений высших военных учебных заведений связи: Рязанского, Ленинградского, Череповецкого, Кемеровского, Ульяновского, Киевского, Полтавского. Наши специалисты активно участвовали в разработке нормативной базы по связи, типовых проектов и проектных решений, которые широко использовались при строительстве объектов связи.

Производственные отделы института участвовали в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах по проблемам капитального строительства и устойчивого функционирования объектов и систем связи, а также по вопросам оперативности, непрерывности и скрытности управления связью.

С появлением новых задач и новой техники связи, внедрением автоматизированного управления совершенствовались структура института, формировались новые отделы, росло число специалистов, был создан вычислительный центр, начался процесс автоматизации проектирования. 17-й ЦПИС МО стал головной проектной организацией в Министерстве обороны СССР, осуществляя единую техническую политику в проектировании объектов связи и автоматизированного управления войсками и оружием, обеспечивая проектные организации Минобороны и других ведомств типовой проектной документацией и необходимыми методическими пособиями.

В 1978 году руководство строительно-квартирных органов МО СССР наградило институт почётным дипломом в честь 60-летия Советской армии и ВМФ, в 1979 году от имени Президиума ЦК профсоюзов институт получил Диплом коллектива высокой культуры труда.

За большой вклад в дело повышения боевой готовности вооружённых сил Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 октября 1982 года институт был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а 23 октября того же года ему было вручено боевое Знамя.

В связи с распадом СССР и изменениями в социально-экономической и политической жизни государства наступил новый этап и в деятельности 17-го ЦПИС МО. Резкое сокращение объёма государственного заказа и связанные с этим организационно-штатные мероприятия привели к сокращению численности сотрудников и значительному снижению конкурентоспособности института. Эти годы стали периодом поиска и обучения способам работы в рыночных условиях. Сейчас с уверенностью можно сказать, что коллектив института справился с тяжелейшей задачей, освоил коммерческий рынок и сегодня уверенно себя на нём чувствует.

В настоящее время институт выполняет задачи в интересах ряда ведомств, прежде всего Минобороны России. Это работы по реализации программ по переводу системы связи ВС РФ на цифровое телекоммуникационное оборудование, созданию специальных телекоммуникационных систем и комплексов, оснащению пунктов управления силами современными средствами автоматизации, а также строительству волоконно-оптических линий связи и систем подвижной радиосвязи, совершенствованию спутниковой связи и комплексов противодействия техническим средствам разведки вероятного противника. Работы в интересах Федеральной службы безопасности России ведутся в рамках Федеральной целевой программы «Государственная граница Российской Федерации 2003—2010гг.», а в интересах других ведомств и негосударственных заказчиков — в сфере создания ведомственных и корпоративных телекоммуникационных систем, систем обеспечения безопасности объектов и информации и т.д.

На протяжении всей своей истории 17-й ЦПИС МО РФ не только выполнял задачи по предназначению, но и постоянно развивался на основе новых технологий и идей, рождённых его коллективом, среди которого немало людей, преданных своему делу, специалистов высокого класса. Ныне та школа, которую основали военные связисты-проектировщики в первые послевоенные годы, служит основой деятельности коллектива и каждое новое поколение укрепляет и развивает эту школу, получившую заслуженную известность с своей отрасли.

Многие сотрудники связали всю трудовую судьбу с жизнью института, прослужили и проработали в нём десятки лет, трудятся и в настоящее время, отдавая все свои силы, опыт и знания любимому делу, его совершенствованию, воспитанию молодых специалистов. Многих наших коллег, к сожалению, уже нет в живых, но мы с благодарностью вспоминаем их и их вклад в общее дело.

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

Коваленко Анна Ивановна —

заведующая кафедрой Амурской государственной медицинской академии, кандидат исторических наук, доцент (г. Благовещенск)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА В КУЛЬТУРЕ КАЗАЧЕСТВА ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ

Значительное место в культуре казачества занимает государственная символика. Главной святыней в жизни казачества было знамя — свидетельство признания войск высшей государственной властью и проявления монаршей милости, оценки заслуг казачества в выполнении гражданского и воинского долга перед народом.

В начале XVIII века на службу русскому царю были приглашены и поверстаны в казаки буряты и тунгусы. Они проживали в караулах на границе с Монголией и Китаем. Иностранческие войска зарекомендовали себя верными стражами Российского государства. В 1728 году одиннадцати родам (полкам) хоринских бурят Селенгинского и Нерчинского дистриктов «за их верность, прилежность к службе и чтобы впредь служили со всякою ревностью» было пожаловано по знамени, на них было возложено несение службы у Ара-Мензинского караула. Отсюда пошли корни Забайкальского бурятского казачьего войска. Семи родам селенгинских бурят 14 августа 1800 года также было пожаловано по знамени¹. Знамёна представляли собой двухаршинное квадратное полотнище, сшитое из 17 отдельных кусков шёлка. В середине круг белого цвета, от которого к центру сторон расходятся белые полосы в виде креста. Пространство между ними зашито красной тканью. На белой средней полосе на одной стороне изображён двуглавый орёл, над которым написано: «Не нам, не нам, а имени Твоему», на другой стороне надпись над орлом гласит: «Сим знаменем победиши». По углам в красный цвет знамени нашиты овальные формы, окаймлённые золотыми венками с надписью в центре: «Благодать»².

В 1840 году из хоринских бурят Верхнеудинского округа выделились 7875 человек, обитавших в Нерчинской округе, которые вошли в Агинский округ, затребовав причитавшиеся им знамёна. По предложению генерал-губернатора Восточной Сибири, отметившего, что агинцы чтут монаршую милость, помогают комплектовать людьми бурятские полки, содержать пограничную стражу и

исправно платят ясак, 21ноября 1842года им было пожаловано 9знамён «За верность и усердие». 21апреля 1846года состоялось пожалование селенгинским бурятам 15знамён взамен устаревших³. Знамёна воспринимались бурятскими казаками как знак высшей милости, символ признания их заслуг, высоко ценились и свято охранялись.

Вскоре после образования Забайкальского казачьего войска 6декабря 1852года были высочайше пожалованы знамёна четырём русским конным полкам и двенадцати пешим батальонам. В особой грамоте по этому поводу писалось: «...по освящении знамён употребить оные на службу Нам и Отечеству, с верностию, усердием и храбростию, Российскому войску свойственными. Пребываем Императорской Нашею милостию благосклонны НиколайI». В приказе Н.Н.Муравьёва войску было велено по прочтении грамоты полкам и батальонам хранить её в войсковом правлении, для чего учредить почётный караул из конных и пеших казаков. Знамёна хранить в полковых и батальонных штабах, назначить к ним часовых из числа достойнейших казаков⁴.

Полотно знамени пешего батальона представляло собой двусторонний шёлковый квадрат, сторона которого несколько превышала 2аршина. Полотно шилось из 9кусков: в середине размещался жёлтый круг диаметром в 13вершков, вокруг него — лавровый венок, в середине венка — государственный герб; от середины каждой стороны к центру шли белые полосы, образующие крест; промежутки между частями креста заполнены тканью зелёного цвета.

Знамёна конного полка по размерам и общему принципу пошива были идентичными батальонным. Фон знамён вокруг центрального жёлтого круга был синего цвета. По углам располагались четыре красных круга диаметром в 6вершков каждый. На полотне нарисованы: вокруг жёлтого круга лавровый венок, внутри него с одной стороны знамени государственный герб, с другой — красный крест; вокруг красных кругов лавровые венки с буквой «Н» в центре⁵.

В 1897году за успехи в освоении края простые знамёна были пожалованы Амурскому казачьему полку, получившему в 1909году имя генерал-адъютанта графа Н.Н.Муравьёва-Амурского, и Уссурийскому казачьему дивизиону. Славная история Забайкальского казачьего войска была отмечена в 1903году пожалованием войскового знамени.

Самой почётной коллективной наградой в старой российской армии были Георгиевские знамёна. Они вручались от имени императора только тем частям, чьи действия обеспечили победу над превосходящими силами неприятеля, а личный состав проявил массовый героизм на поле боя. В Забайкальском казачьем войске Георгиевских знамён «За отличие в войну с Японией в 1904—1905годах» были удостоены 1-й Верхнеудинский и 1-й Читинский полки. На них — кровь забайкальских казаков, героев сражений под Ляояном, Мукденом, на реке Шахе, лихих рейдов в тыл врага в Корею, на города Инкоу и Факумынь.

У казачества формировалось особое отношение к знамени, которое являлось важным атрибутом, побуждавшим казаков в мирное время образцово выполнять свой воинский долг, а во время войны мобилизовавшим их на ратные подвиги. В «Памятке об Амурском казачьем полку» записано: «Знамя — это великая святыня, в ней честь, слава и жизнь твоего полка. Честный и храбрый казак умрёт со знаменем в руках, но не даст его на поругание неприятелю. Знамя дано самим Царём, грамотою подписанное. Оно заключает все драгоценности русского воинства: Веру, Царя и Отечество»⁶.

Знамёна бережно хранились казачеством. Так, в Забайкалье находившиеся в доме наказного атамана войсковые знамёна в 1890году были помещены в часовне во имя св.Александра

Невского, возведённой по распоряжению наказного атамана генерала М.П.Хорошхина в честь полученной от царя благодарности за хорошее состояние Забайкальского казачьего войска. При отступлении войск атамана Г.М.Семёнова войсковые святыни были вывезены из России под охраной полного георгиевского кавалера В.Г.Казакова. Он их сберёг в трудные годы китайской эмиграции и вернул в 1945 году советскому командованию⁷.

В 1904 году казачьим войскам восточных окраин России были пожалованы атаманские насеки, символы авторитета атаманской власти и верности казачества монархическому идеалу. Поэтому не случайно, по древнему казачьему обычаю, насеки были вручены на казачьих кругах в день рождения наследника великого князя Алексея Николаевича, августейшего атамана всех казачьих войск. Насека представляла собой трость чёрного дерева в серебряной вызолоченной оправе с серебряным наконечником. Венчалась насека государственным гербом с двуглавым орлом и державой, украшенной розами, что символизировало крепость Российского государства и императорской власти. Особую царскую благосклонность к забайкальскому и дальневосточному казачеству подчёркивали именные надписи с императорским вензелем⁸.

К началу XX века забайкальское казачество представляло собой самостоятельную социальную группу со сложившимися в процессе исторического развития самобытными традициями. Оно осознавало свою значимость для края и стремилось закрепить её во внешних формах культуры. В 1912 году военный губернатор Забайкальской области, наказной атаман Забайкальского казачьего войска А.И.Кияшко инициировал вопрос о создании войскового герба, отличного от герба территории. Обосновывая необходимость собственного геральдического знака, казаки-забайкальцы писали: «Когда гром оружия многолетних войн всё ещё продолжал звучать на полях окраин великого царства Российского, здесь тогда было место лишь одному сословию, среди которого бранные схватки считались потехой, где шашки не ржавели, удаль и отвага не вымирали, где от отца к сыну, от деда к внуку переходил один и тот же завет — любить родную землю и истреблять врагов ея... В области с казачьим населением живут двойной жизнью: жизнью населения войскового сословия и жизнью не войскового сословия. У каждого из этих сословий своя строго ограниченная земельная собственность, свой особый уклад жизни, свои особенные интересы, свои обязательства перед государством»⁹. Среди присоединившихся к просьбе А.И.Кияшко были наказные атаманы Амурского и Уссурийского казачьих войск.

В 1914 году хорунжий Размахнин выполнил эскиз герба. На щите с закруглёнными краями и мыском в середине нижней части был изображён голубой фон неба с северным сиянием, что означало расположение территории Забайкальского казачьего войска к северу от Китайской империи и близко к полярному кругу. В небе распростёр могучие крылья двуглавый орёл — символ Российской империи, частью которой являлось Забайкалье. В когтях у орла — лук со стрелой, опущенной острием вниз, символ вхождения в состав Забайкальского казачьего войска бурят, вооружение которых составляли лук и стрелы и которые готовы нанести удар лежащему к югу за пограничной чертой Китаю. Ниже орла — сопки, характерная особенность большей части Забайкалья. Переход сопки в зелёное ровное поле означает степной характер южной, пограничной с Китаем территории Забайкалья. В левой стороне щита изображено синее озеро Байкал, символизирующее название края и войска. От Байкала до правой стороны щита протянулся коричневого цвета тын, напоминающий о том, что при покорении края и несении пограничной службы казаки окружали свои селения тыном. Чёрная линия под тыном означает сухопутную пограничную черту с Китаем, синяя — пограничную реку Аргунь, жёлтое поле — это Китайская империя, красный извивающийся над ней дракон — постоянная опасность¹⁰.

С проектом герба были ознакомлены атаманы родственных Амурского и Уссурийского войск. Уссурийцы выразили пожелание, чтобы символика дальневосточных войск от Байкала до Тихого океана была идентичной с отражением небольших особенностей, амурские казаки решили создавать свой герб, поручив работу над ним подъясаулу лейб-гвардии сводного казачьего полка Сычёву¹¹.

К сожалению, герб Забайкальского казачьего войска так и не был узаконен. В 1917 году появился декрет о ликвидации чинов, сословий и званий. Несколько позже ликвидация казачьего сословия привела к полному забвению местных геральдических символов.

Но вернёмся назад. В Забайкальском войске осуществлялась организационная работа по подготовке проекта и изготовлению нагрудных знаков. История их появления связана с тем, что 13 августа 1913 года Забайкальскому казачьему войску было пожаловано старшинство с 1655 года. А.И.Кияшко, желая увековечить это событие, постановил учредить нагрудный знак. 31 октября 1914 года он был высочайше утверждён. Знак представлял собой жёлтую эмалевую удлинённую подкову с золотыми краями. Его размер не превышал в высоту 17 см и в ширину — 13 см. В нижней части был изображён красный извивающийся дракон, а по сторонам тёмно-зелёные ветви. Во внутренней части подковы внизу помещён частокол тёмно-коричневого цвета, а под ним, по краю подковы, — извивающаяся узкая голубая полоса. В верхней части подковы находился двуглавый чёрно-коричневый орёл с распостёртыми крыльями, опиравшимися на боковые стороны подковы. Голова орла увенчана императорской золотой короной. На груди расположен щит, на белом поле которого помещён Георгий Победоносец на коне, поражающий копьём змия. Из-под крыльев орла исходят в виде молний золотые стрелы, доходящие до частокола и внутренних краёв подковы. В лапах орёл держит бант из жёлтой ленты, на концах которой написаны даты: слева «1655» — год старшинства ЗКВ, справа — «1913» — год пожалования этого старшинства. Под бантом помещены два вензеля: золотой «Н» — императора Николая II и серебряный «А» — царя Алексея Михайловича, в царствование которого появились первые казаки за Байкалом. Геральдические элементы нагрудного знака по смыслу символизировали аналогичные изображения проекта войскового герба.

Были учреждены золотые, серебряные и бронзовые знаки. Право их ношения предоставлялось всем офицерским, классным и нижним чинам, служившим в частях войска, в штабах, управлениях, заведениях и учреждениях. Прикомандированные чины правом ношения знака не пользовались. Приобретение нагрудных знаков осуществляли войсковые части на собственные средства без дополнительных расходов казны¹². В 1915—1916 гг. была изготовлена небольшая партия знаков в Санкт-Петербурге, на фабрике «Эдуард», в массовое производство по известным причинам знак не был запущен. Тем не менее попытки создания собственной геральдики свидетельствуют о достаточно высокой степени зрелости казачьих войск на восточных окраинах России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Краткая хроника Забайкальского казачьего войска // Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей. СПб., 1912. С. 294.

2 Забайкальская казачья книжка. СПб., 1893. С. 97.

3 Приамурские ведомости. 1895. № 66.

- 4 Государственный архив Читинской области (ГА ЧО). Ф. 30. Оп.1. Д.640. Л.75, 76.
- 5 Забайкальская казачья книжка. С. 97.
- 6 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.1573. Оп. 2. Д. 698. Л. 18.
- 7 Наследие. 2001. № 1(7). С. 3.
- 8 РГВИА. Ф. 1573. Оп. 2. Д. 697. Л. 11, 11 об., 13, 23.
- 9 Забайкалье. 1997. № 204.
- 10 ГА ЧО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 640. Л. 72.
- 11 Там же. Л. 55, 58.
- 12 Там же. Л. 115, 164.

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

*Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —
ведущий научный редактор редакции
«Военно-исторического журнала» (Москва)*

А.Г. БРИКНЕР

СМЕРТЬ ПАВЛА I

11—12 марта 1801 года

3. Ночь

После попойки заговорщики двинулись по направлению к Михайловскому дворцу. Это движение напоминало военный ход. Беннигсен упоминает, что всех было больше шестидесяти офицеров. Генерал Талызин пришел в казарму Преображенского гвардейского полка и отдал приказ одному батальону стать под ружьё, ввиду того что в городе начались волнения. Во дворце были поставлены отряды Семёновского гвардейского полка. Пален отправил отряды кавалерии для занятия улиц, ведущих от Невского проспекта к Михайловскому дворцу. Они должны были соединиться с батальоном преображенских гвардейцев, но явились только тогда, когда всё во дворце уже было окончено.

Заговорщики очень тихо перерезали Марсово поле с севера, вошли в Летний сад и достигли Михайловского дворца. «На старых липах Летнего сада, — рассказывает Розенцвейг, — ночуют тысячи ворон. Испуганные движением военных в такой неурочный час, птицы отчаянно закаркали и перепугали офицеров, которые опасались, как бы не проснулся император. Если бы ему удалось укрыться в безопасное место, то их планы рушились бы, и вороны Летнего сада приобрели бы известность capitoлийских гусей»¹.

Они проникли во дворец. Когда батальонный командир преображенских гвардейцев Талбанов, подойдя к дворцу, спросил у солдат, захотели ли бы они следовать за ним в опасный поход государства и народа, те, не задумываясь, ответили утвердительно. Тогда он перешёл через замерзшие рвы. Внешний караул был обезоружен без всякого сопротивления с его стороны.

Адъютант Преображенского полка Аргаманков помог заговорщикам войти во дворец. Он находился в том помещении, которое за несколько часов до этого занимали солдаты Саблукова. По его знаку было устранено препятствие, которое оказывал внешний караул, и таким образом заговорщики или часть их достигли той двери спальни Павла, где стояли на посту два камер-гусара. Аргаманков будто бы дал возможность войти в комнаты, обратившись к камердинеру, который медлил открывать дверь, с заявлением, что уже шесть часов утра, что он пришёл к императору с рапортом о состоянии полка и должен войти к нему. Пьяный лакей дал себя обмануть и открыл дверь, и заговорщики вошли.

Оба гусара оказали сопротивление. В крайнем возбуждении какой-то офицер так сильно ударил одного из них, что тот упал на пол. Офицер, который едва сознавал, что он делает, даже выстрелил в гусара, но пистолет, к счастью заговорщиков, дал осечку. Другой гайдук убежал. Розенцвейг рассказывает, что раненый гусар прибежал с окровавленной головой в зал, где стояли преображенцы под командой Мбрина. Гусар звал на помощь, чтобы спасти государя. У солдат уже были подозрения, потому что истопник им сказал то же самое. Настроение стражи становилось опасным. Один из гвардейцев выступил вперед и от имени всех потребовал, чтобы их повели к государю. Тогда Мбрин приставил ему к груди свою шпагу и пригрозил тут же уложить его на месте, если он только хоть одно слово ещё скажет. В то же время он скомандовал заряжать ружья. Солдаты повиновались; наступило спокойствие, и пока они оставались в таком положении, всё было кончено.

Самым важным источником, воспроизводящим перед нами всё, что происходило в спальне Павла, должен служить рассказ Беннигсена в разговоре с Ланжероном. Вот что мы находим здесь:

«Мы вошли в комнату в числе двенадцати человек, среди которых были Платон и Николай Зубовы (Пален и большинство других пошли другой дорогой). Валерьян Зубов остался у Палена... Шум (в передней) разбудил императора. Он соскочил с кровати и мог бы легко спастись, если бы сохранил присутствие духа. Правда, комнаты императрицы не могли служить для него убежищем, так как он, по совету Палена, забаррикадировал её дверь, но оставалась ещё лестница, которая вела в покои княгини Гагариной. Он, по-видимому, был слишком перепуган, чтобы рассуждать, и спрятался за ширмы. Мы входим; Платон Зубов подбегает к кровати, находит её пустой и кричит: "Il s'est sauvé!"*. Я нашёл императора. Я, как и все другие, был при полной форме, с лентой и орденами, со шляпой на голове и шпагой в руке. Я опустил шпагу и сказал по-французски: "Государь, вы перестали царствовать; Александр стал императором; по его приказу мы вас арестуем; Вы должны отречься от престола. Будьте спокойны, мы вас жизни не хотим лишать. Я явился сюда, чтобы защитить вас; покоритесь своей судьбе; если же вы окажете хоть малейшее сопротивление, то я ни за что не ручаюсь".

Император ничего не ответил. Платон Зубов повторил по-русски всё, что я сказал по-французски. “Что я вам сделал?” — воскликнул император. Один из гвардейских офицеров ответил: “Четыре года подряд вы нас мучили”. В эту минуту с шумом вошли в переднюю другие офицеры, которые по дороге заблудились в комнатах дворца; поднятый ими шум перепугал тех, которые были со мной в комнате. Они подумали, что это стража прибежала на помощь императору, и убежали по лестнице. Я остался один с императором и угрожал ему своим решительным видом и шпагой. В это время беглецы встретили товарищей и вернулись в комнату Павла. Началась давка, во время которой упали ширмы и потушили лампу. Я вышел, чтобы принести лампу из другой комнаты. В этот короткий промежуток времени Павла не стало».

Гораздо обстоятельнее описывает это происшествие Бернгарди, который в основных чертах воспроизводит записки Беннигсена. «Беннигсен, — пишет он, — нашёл императора за ширмой, где горела лампа, он стоял в одной рубашке, босой, с курткой на плечах и ночной шапкой на голове. Зубов и Беннигсен подошли с обнажёнными шпагами к императору. Он потерял всё своё присутствие духа и настолько не владел собой, что даже не мог говорить. Тогда Беннигсен обратился к нему со словами: “Sire, vous ktes arrktï!”** Не отвечая ему, Павел обратился к Зубову. — “Que faites-vous, Platon Alexandrowich?”*** — спросил он. В это время один офицер сообщил князю, что дворцовая стража вышла из повиновения и что Палена нет. Зубов убежал. Только Беннигсен “не растерялся”, как он сам хвастается. Он повторил свои первые слова, но, вместо того чтобы отвечать ему, Павел сделал попытку проникнуть в соседнюю комнату. Там по заведённому императором обычаю хранились шпаги арестованных офицеров. Павел искал оружие для своей защиты. Но ему преградили путь.

Заговорщики, которые только что бежали из спальни, снова стали собираться, и скоро вся комната была ими переполнена. Беннигсен запер двери в соседнюю комнату с оружием и в покои императрицы. Павел пытался проложить себе дорогу к бегству и стал кричать по-русски: “Арестован! Что значит арестован?” Его удержали силой, причём особенно грубо набросились на него князь Яшвиль и майор Таротинов (sic?). Напрасно Беннигсен призывал императора к спокойствию. Несчастный старался пробиться и повторял свои слова. Началась ожесточённая борьба. Ширмы упали. Среди шума Беннигсен расслышал голос одного офицера, который кричал императору: “Вот уже четыре года, как с тобой хотят покончить”. — “Что же я такое сделал?” — возразил император. Когда в передней снова поднялся шум, многие опять хотели бежать. Но Беннигсен подскочил к двери и громким голосом стал угрожать убить всякого, кто сделает попытку к бегству. “Теперь уже поздно отступаться”, — прибавил он.

Этот шум произвёл отряд семёновских гвардейцев под начальством состоявшего в заговоре офицера Бибикова, внезапно ворвавшись в переднюю. И в этот момент, когда не могло оставаться никакого сомнения насчёт того, как окончится через несколько минут борьба с императором, которая становилась все ожесточённей, в особенности, когда Павел стал непрерывно кричать и звать на помощь, умный Беннигсен поручает охрану императора пьяному князю Яшвилю, а сам спешит в переднюю, чтобы “поставить сторожевые посты”.

По позднейшим заявлениям очевидцев ужасных последних минут, император делал отчаянные усилия, чтобы вырваться из рук Яшвиля. Во время борьбы оба упали на пол. Какой-то гвардейский офицер, которого Беннигсен называет Скеллеретом, сорвал с себя свой шарф и обмотал его вокруг шеи императора, которого держал Яшвиль. Стоявшие сзади двинулись вперёд и повалили впереди стоявших на борющихся. Императора придавили и удушили. Те, которые дальше стояли, не могли даже дать себе отчёт в том, что произошло».

Кто были эти свидетели, которые давали свои показания о последних минутах Павла, Бернгарди не говорит. В рассказе Розенцвейга имеются следующие подробности. Император подбежал к столу, на котором лежало несколько заряженных пистолетов. Его повалили на пол, и заговорщики наложили свои преступные руки на своего императора. Уверяют, что Яшвилль нанёс удар, и что император после упорнейшего сопротивления был удушен своим собственным шарфом. Борьба продолжалась около десяти минут. Большинство заговорщиков были пьяны, и, по-видимому, вполне достоверно показание, что Николай Зубов, человек огромного роста и дикого вида, собственными руками задушил императора.

Ланжерон сожалеет, что Беннигсен не рассказал ему подробней о кончине Павла. «Беннигсен, — пишет он, — по-видимому, был свидетелем смерти императора, но в убийстве непосредственного участия не принимал. Убийцы набросились на Павла, который слабо защищался, молил о пощаде и просил дать ему времени, чтобы прочесть молитву. Среди офицеров он заметил одного, который был похож на великого князя Константина, и сказал ему, как некогда Цезарь Бруту: “Как, и вы, ваше высочество, здесь!” (Слово высочество звучит довольно странно при такой обстановке). Так умер несчастный монарх с убеждением, что его сын был в числе убийц; ужасная мысль, которая отравила последние минуты жизни Павла. У заговорщиков не оказалось ни веревки, ни полотенца, чтобы удушить его. Мне рассказывали, что Скарятин предложил для этой цели свой шарф, который и послужил орудием для убийцы; неизвестно, кто может претендовать на страшную честь этого ужасного убийства; все заговорщики принимали в нём участие; ответственность больше всего, по-видимому, падает на князя Яшвиля и Татаринова. вполне вероятно также, что этот мясник Николай Зубов, озверевший и набравшийся смелости от выпитого вина, ударил императора по лицу и поранил ему левый глаз острым краем табакерки, которую он держал в руке».

Вся эта драма заняла очень мало времени. Нам кажется совершенно невероятным рассказ Саблукова, будто объяснение Павла с Платоном Зубовым по вопросу об отречении от престола продолжалось полчаса. Большого внимания заслуживают следующие сообщения, сделанные Саблуковым, по-видимому, на основании показаний очевидцев. «Павел, — пишет он, — громко говорил и сильно жестикулировал. Великорослый и сильный штальмейстер Николай Зубов ударил императора по руке и по-русски крикнул: “Что ты так кричишь?” Возмущённый таким оскорблением император оттолкнул руку Зубова. Тогда последний ударил императора в левый висок правой рукой, в которой держал тяжёлую золотую табакерку. Павел упал и потерял сознание. Камердинер Зубова, француз, вскочил обеими ногами на императора, а офицер Измайловского полка Скарятин схватил шарф Павла, который висел над кроватью, и удушил его».

Саблуков по этому поводу замечает: «...Называли много различных лиц, которые проявили во время этой расправы особенно много грубости и жестокости и мстили императору за оскорбления, которые он себе позволил по отношению к ним. Они толкали и топтали его ногами и всячески издевались над несчастным трупом. Для врачей и живописцев была нелёгкая работа препарировать труп, чтобы можно было согласно традициям выставить его на некоторое время для всех, желавших его видеть. Я видел императора на парадном ложе. Лицо, несмотря на искусство художника, было в чёрных и синих пятнах. Шляпа была так надвинута, что почти совершенно закрывала левый глаз и висок, которые у него были разбиты»².

«Мне противно, — прибавляет далее Саблуков, — называть имена этих кровожадных людей, которые выделялись своим зверством во время этой катастрофы. Я напому только, что с

некоторыми из них я лично был знаком и хорошо знаю, что в свой предсмертный час они испытывали страшные физические и нравственные страдания».

Приблизительно то же самое говорит Розенцвейг. «Трудно, — пишет он, — с полной уверенностью указать имена всех убийц, чтобы предать их проклятию всех грядущих времён. Число заговорщиков было так значительно, ненависть к императору и грубость нравов так велики, что ещё в 1801 году можно было встретить много офицеров, которые хвастались своим участием в убийстве, хотя в действительности их и не было совсем на месте преступления. Во всяком случае для будущих поколений останутся памятными имена графа Николая Зубова, генерала Чичерина, Мансурова, Татаринова и Яшвиля, как главных виновников катастрофы».

Из сообщений очевидцев этой трагедии выносишь впечатление, что здесь дело шло не о том, чтобы принудить Павла к отречению от престола или назначению Александра регентом, а о том, чтобы возможно скорей покончить с ним. По словам Саблукова, ходили также слухи о том, что Платон Зубов, ворвавшийся вместе с Беннигсеном в спальню Павла, держал в руках лист бумаги, на котором должен был быть написан «договор между монархом и народом». «Между тем, — пишет Саблуков, — дискуссия между императором и заговорщиками продолжалась слишком недолго, чтобы за это время можно было такой разговор поднять; раздражительность и вспыльчивость Павла и возбуждённое состояние заговорщиков, большинство которых были очень пьяны, должны были привести к катастрофе»³.

Пален во время всего этого происшествия держался вдали. Он явился во дворец, когда всё уже было кончено. Другие заговорщики упрекали его позже в том, что он намеренно медлил, чтобы пожинать плоды вместе со всеми в случае удачи и явиться спасителем Павла, если бы дело не удалось. Пален в сопровождении Уварова должен был пробраться в покои императора во главе батальона гвардейцев по главной лестнице дворца. Но он так медленно двигался, что Уваров должен был его торопить. Это обстоятельство ещё увеличивало подозрения против него⁴.

Совершенно невозможно выяснить этот случай. Характерно для всего этого события сообщение Беннигсена, что император Александр спустя несколько месяцев удалил Палена, вменив ему в вину его «двусмысленное отсутствие в решительный момент» в эту роковую ночь. «Действительно, — замечает Бернгарди, — среди тех, которые хорошо знали Палена, было распространено мнение, что он замышляет в случае неудачи переворота арестовать великого князя Александра вместе со всеми заговорщиками и предстать перед Павлом в роли его спасителя»⁵.

Но как бы медленно ни двигался Пален, он все-таки должен был подойти к дворцу раньше, чем там всё было кончено. Тогда возникает вопрос, где он находился во время убийства? Саблуков утверждает, что Пален в этот момент находился у Александра. Это довольно правдоподобно. Молодой, неопытный и боязливый великий князь нуждался в эти тяжёлые минуты в помощи сильного и решительного человека. За несколько часов до этого он ещё ужинал за одним столом со своим отцом, а затем, как утверждает Бернгарди, подписал манифест, в силу которого он брал на себя регентство. Теперь он с большим нетерпением ждал известий о результатах предпринятого дела.

Как предусмотрительно Пален принял все меры, чтобы воспрепятствовать всем открытым сторонникам императора оказать ему свои услуги в эту ночь, показывают, между прочим, следующие обстоятельства. Уже раньше было упомянуто, что Аракчеев, приезда которого ждали, был задержан у городских ворот. Командир гусарского полка Кологривов, который принадлежал к

самым надёжным приверженцам императора, играл в вист в своем собственном доме с генералом Кутузовым. В половине первого часа ночи Кутузов вынул свои часы и заявил, что Кологривов арестован. Майор Горголи получил поручение арестовать графа Кутайсова и его возлюбленную — актрису Шевалье. Кутайсов в последний момент ускользнул из-под надзора, пробежал босой, в халате и ночном колпаке по улицам, пока не нашёл убежища в доме Ланского.

Таковы были обстоятельства, при которых император Александр взошёл на престол.

4. Утро после переворота

О первых минутах после убийства сообщает Бернгарди, по-видимому, по запискам Беннигсена, отчасти, по крайней мере. «Когда Беннигсен, — пишет он, — через несколько минут снова вошёл (в спальню Павла), к нему навстречу уже в дверях бросился пьяный офицер со словами: “il est achevé”****. Беннигсен оттолкнул его от себя, закричал толпе: “Стой! Стой!” — протиснулся к трупу и с большим гневом стал бросать страшные угрозы по адресу убийцы. Он с необыкновенной заботливостью стал прислушиваться, не жив ли император и нельзя ли ещё привести его к жизни. Когда он убедился, что никакой надежды на это не имеется, он приказал положить мёртвое тело на кровать. Вошедшим слугам Беннигсен сказал, что император умер от апоплексического удара, и приказал одеть его в мундир.

Платон Зубов между тем поспешил к дворцовой страже и приказал ей выстроиться. Он встретил здесь своих братьев и великого князя Александра, который стоял перед стражей в надежде, может быть, произвести впечатление на солдат своим личным присутствием. Напрасно Зубовы призывали солдат крикнуть “Ура!” в честь “императора Александра”. Даже личное присутствие великого князя не могло повлиять на солдат. Они упорно отказывались, пока присланный Беннигсеном офицер не принёс известия, что император Павел скончался. Здесь, во дворе дворца, перед лицом стражи великий князь узнал эту страшную весть, и в первый момент, несмотря на то, что солдаты теперь очень охотно приветствовали его, как императора, Александр, казалось, был вне себя от горя, вызванного этим неожиданным ударом. Но ему удалось скоро до некоторой степени овладеть собой. Когда теперь появился Беннигсен, то он получил приказ взять на себя начальство над стражей и охрану дворца. Палену⁷ было поручено известить о происшедшем императрицу Марию. Сам молодой император вместе с перепуганным братом Константином отправился в Зимний дворец, чтобы присутствовать на ранней заутрене в дворцовой церкви и принять присягу от своих подданных»⁸.

Совершенно иначе рассказывает Розенцвейг о том, как Александр получил это известие. «Великий князь Александр, — пишет он, — ждал в это время в своих покоях исхода заговора. С ним были граф Уваров, который только на короткое время отлучился, чтобы вместе с Паленом привести гвардейцев, и полковник Николай Бороздин, чтобы защищать его и в случае несчастного исхода разделить с ним его судьбу. Наконец, не без затруднений, пришел к великому князю Валерьян Зубов. Он нашёл его лежащим на кровати, но одетым, и сообщил ему о свержении и смерти его отца и его собственном воцарении. Известно, что императором овладело крайнее отчаяние. Только теперь ему стало ясно, какие последствия должно было повлечь за собой свержение его отца с престола; слишком поздно и напрасно плакал он теперь о том, что на грубых и безрассудных молодых людей возложено было выполнение этого предприятия, которое казалось необходимым в интересах государственного блага и было запятнано теперь кровавым преступлением».

Очень яркую картину дал четверть столетия спустя великий князь Константин в разговоре с графом Ланжероном. «Я ничего не подозревал, — рассказывал великий князь, — и крепко спал, как могут спать двадцатилетние юноши. Пьяный Платон Зубов с шумом ввалился в мою комнату (через час после смерти моего отца), грубо стянул с меня одеяло и нахальным тоном сказал: “Вставайте и идите к императору Александру; он вас ждёт”. Можете себе представить мой ужас и недоумение. Я смотрел на Зубова с застанными глазами, и мне казалось, что это мне снится. Платон с силой дёрнул меня за руку, чтобы заставить подняться. Я надел свои брюки, сюртук, сапоги и совершенно механически последовал за Зубовым. Из предосторожности я захватил с собой польскую саблю, которую я получил в подарок в Ковне от князя Любомирского. В случае, если бы угрожала опасность моей жизни, я стал бы защищаться, думал я, потому что совершенно не понимал, что произошло. Я прихожу в комнату брата и застаю там толпу очень шумных и разгорячённых офицеров. Уваров, такой же пьяный, как и все другие, сидел на мраморном столе и болтал ногами. Я вхожу в зал моего брата и застаю его распостёртым на диване, в слезах. Тут же была и императрица Елизавета. Здесь я впервые узнал об убийстве моего отца. Я так был ошеломлён этим ударом, что сначала мне показалось, будто заговор направлен против всех нас. В этот момент моему брату сообщили о претензиях моей матери, и он воскликнул: “Боже мой, этого ещё не доставало!” Он приказал Палену пойти к ней, образумить ее и заставить отказаться от этой идеи, которая казалась такой странной и дикой в такой момент. Пален вернулся через несколько часов и увёл брата, чтобы показать его войскам. Остальное вы сами знаете», — закончил великий князь свой рассказ.

Саблуков удостоверяет, что Александр и Константин были оба крайне поражены смертью отца, хотя им в первый момент сказали, что император был страшно взволнован требованиями заговорщиков и умер от апоплексического удара. Несколько дней спустя Саблуков по делам своей службы посетил своего начальника великого князя Константина. Константин пригласил его зайти в свою комнату, запер за собой дверь и сказал: «Ну, Саблуков, хорошая здесь каша была на днях». — «Да, — ответил полковник, — действительно хорошая каша. Я очень рад, что мне не пришлось принимать в этом никакого участия». — «Мой друг, — сказал взволнованным голосом Константин, — пусть мой брат царствует, если он хочет, после всего того, что произошло. Но если бы трон достался мне, то я, наверное, отказался бы».

Совершенно иначе отнеслась к этому супруга Павла, императрица Мария Фёдоровна, которая при известии о смерти императора действительно думала о возможности ей самой взойти на престол.

Ланжерон рассказывает, что Александр поручил Палену известить императрицу о кончине императора. По сведениям Саблукова, оберштальмейстер Муханов, близко стоявший к императрице, поручил сообщить ей эту страшную весть обергофмейстерше великих княжон и близкому другу императрицы графине Ливен. Эта последняя сначала отказывалась брать на себя такое тягостное поручение, но Пален, приказавший разбудить её, объяснил, что ей это удобнее сделать, чем кому-либо другому. Когда Ливен явилась ночью к императрице, то последняя подумала сначала, что пришло известие о смерти её дочери Александры, вышедшей замуж за венгерского палатина Иосифа. Ливен сказала ей, что Павел тяжело болен и что его поразил апоплексический удар. — «Он умер, он убит!», — закричала Мария Фёдоровна. Так как Ливен не возражала, то она соскочила с кровати и без башмаков и чулок побежала к двери, которая вела в покои Павла. Графиня Ливен едва успела накинуть ей на плечи пальто.

Между тем Беннигсен приказал открыть эту дверь и поставил стражу для её охраны. Отряд солдат в 30 человек под командой офицера Константина Полторацкого охранял труп Павла и не позволял

никому проходить здесь. Когда императрица, крайне взволнованная, появилась в дверях, солдаты скрестили штыки; она кричала, чтобы её пропустили, плакала, бросилась на пол и обнимала колени солдат. Полторацкий заявил, что он получил строжайший приказ. Солдаты плакали. Императрица рыдала с таким отчаянием, что один гренадер, по имени Перекатов, поднёс ей стакан воды. «Матушка, выпей, — сказал он, — здесь отравы нет; тебе за себя нечего бояться». Он сам отпил немного и подал ей стакан. Она выпила воды и пошла обратно в свои покои. К ней вернулось спокойствие и сознание своего достоинства.

«Бледная и похолодевшая, как статуя, — пишет Саблуков, очевидно, по рассказам оберштальмейстера Муханова, — она села в кресло и дала себя одеть. Муханов был первый, которого она впустила к себе. Рано утром явился посланец; это был, насколько я помню, Уваров. Он сказал, что просит её от имени императора и императрицы (т.е. Александра и Елизаветы) придти к ним. Она ответила: “Скажите моему сыну, что, пока я не увижу труп своего мужа, я не признаю его своим государем”. Александр, — прибавляет Саблуков, — охотно бросился бы в объятия своей матери, которую он нежно любил, несмотря на этот суровый ответ; но это невозможно было сделать, не позволив ей посмотреть на мертвеца. Восстановление внешнего вида последнего продолжалось более тридцати часов, и только на следующий день вечером императрица могла увидеть труп».

О поведении императрицы Марии Фёдоровны в это утро сообщает Беннигсен в своих заметках, которыми воспользовался Бернгарди, такие интересные подробности, что мы считаем нужным привести рассказ последнего.

«Императрица Мария, — читаем мы здесь, — приказала своему лейб-медику тайному советнику Беку оставаться в эту роковую ночь во дворце, недалеко от её комнаты, хотя никто из императорской фамилии не был болен. Когда Пален принес известие о смерти императора, она пришла в страшный гнев, громко заявляла, что она не верит в естественную смерть своего супруга и угрожала убийцам своей мстью, самыми ужасными наказаниями. Она потребовала, чтобы ей показали труп её мужа. Так как на её желание ответили решительным отказом, то она отправилась к своей невестке, жене Александра, ставшей уже императрицей Елизаветой, и “здесь она проявила не столько скорбь по поводу смерти своего супруга, сколько другие душевные движения”, которым она скоро придала очень яркое выражение.

Немного спустя туда пришел также генерал Беннигсен и именем императора Александра потребовал, чтобы она отправилась в Зимний дворец принести присягу. Совершенно не желая ни овладеть своими чувствами, ни скрывать их, императрица Мария громко закричала: “Кто император? Кто называет Александра императором?” И когда Беннигсен ответил: “Голос народа!” — она тем же повышенным тоном заявила, что она своего сына не признает. Никто ничего не ответил на этот смелый отказ. Затем она тихим голосом прибавила: “Пока он мне не даст отчёт о своём поведении в этом деле”. Но скоро она схватила Беннигсена за руку и снова громко приказала повиноваться ей и вести её в комнату императора Павла. Но Беннигсен, как он сам заявляет, боялся солдат. Он опасался, что ввиду их привязанности к убитому императору их могут склонить на какой-нибудь необдуманный шаг, и отказался повиноваться приказу императрицы и удержал её здесь. Она стала угрожать, что ему придется жестоко поплатиться за своё поведение, и разразилась наконец слезами, которые, по-видимому, её успокоили немного.

Беннигсен подумал, что теперь можно повторить приглашение ехать в Зимний дворец. Молодая императрица присоединила и свою просьбу к его представлению. Но это вызвало только новый гнев её тещи [свекрови], которая была, видимо, крайне недовольна предстоящей поездкой...

Так как она решительно отказывалась оставить Михайловский дворец, пока не увидит труп своего супруга, то Беннигсен дал знать молодому императору о положении дела и получил указание удовлетворить желание вдовствующей императрицы, если это не грозит никакой опасностью. Эти слова показывают, что Александр уже раньше знал об интригах семьи Куракиных и о миражах, которые рисовались пред глазами его матери. Кроме того, из поведения Палена и Беннигсена достаточно ясно видно, что за этими кругами зорко следили и готовы были оказать должное противодействие их планам.

Тогда Беннигсен просил императора прислать ему на помощь Палена. Когда этот опасный любимец и изменник Павла ещё раз предстал перед оскорблённой императрицей, она снова вспыхнула, и разыгралась бурная сцена. Она осыпала его упреками, а он с полным самообладанием и холодным спокойствием встретил взрывы её гнева и с циничной откровенностью заявил, что он был заранее обо всем осведомлен. Он доказывал, что интересы государственного блага и безопасность императорской фамилии оправдывают то, что произошло. Расчёты политики и доводы рассудка должны утешить императрицу. Но так как его грубое красноречие никакого успеха не имело, то он поспешил сообщить об этом своему новому государю.

Ещё раз императрица Мария схватила за руку Беннигсена и резкими словами и угрозами хотела заставить его повиноваться ей. Генерал всё отказывался вести её к трупу, пока она совершенно не успокоится; и он, по-видимому, счёл себя в праве разговаривать с ней достаточно бесцеремонно; по крайней мере, он сам рассказывает, что он ей, между прочим, сказал: “Madame, on ne joue pas la comédie”»*****.

Наконец, она дала обещание быть спокойной, если только ей покажут мёртвое тело её мужа, призвала своих дочерей, взяла под руку Беннигсена, и произошло то, что этот человек беспощадно называет “настоящим театральным представлением”. Уже по дороге через залы и комнаты дворца она несколько раз останавливалась, как бы борясь со своими чувствами, и несколько раз взывала по-немецки: “Боже, помоги мне перенести это!” Когда она вошла в страшную комнату, где лежал теперь на кровати уснувший император в гвардейском мундире, она громко вскрикнула, бросилась к ложу и стала целовать своего покойного супруга, который ещё за несколько часов до этого представлял большую опасность для её свободы, для её жизни и для её детей. Затем она потребовала ножницы, отрезала локон от волос императора и то же самое велела сделать своим дочерям. Наконец, императрица, по-видимому, хотела уже уйти, но она вдруг повернулась, отослала дочерей, ещё раз бросилась на колени перед кроватью и с отчаянием в голосе воскликнула: “Я хочу быть последней!” Вернувшись в свои покои, она оделась в глубокий траур и отправилась в Зимний дворец.

По дороге в Зимний дворец императрица, видимо, ожидала, как нас уверяют, что народ, который толпами расхаживал по улицам, предпримет что-нибудь в её интересах. Этого, конечно, не случилось»9.

В этом рассказе, основанном на сообщении Беннигсена, недостаёт одного важного момента: первой встречи вдовствующей императрицы с её сыном Александром после катастрофы и возникшей между матерью и сыном борьбы из-за короны. Как бы кратковременны ни были претензии вдовствующей императрицы, но они были и усложняли и без того крайне тяжёлое положение императора Александра. Неудивительно, что, услышав об этих претензиях своей матери, он воскликнул в присутствии брата, который ему рассказал об этом: «Mon Dieu, encore se surcoot d’embarras!»*****.

Тем важнее представлялся нам вопрос, при каких обстоятельствах произошла встреча между матерью и сыном.

В записках Розенцвейга также рассказывается, что императрица медлила признать Александра императором, и что Беннигсену стоило больших трудов успокоить её, прежде чем идти с ней к трупу Павла. Дальше саксонский посол рассказывает: «Так прибыла она к Александру, который поспешил ей навстречу и бросился ей в объятия. У него она нашла главных заговорщиков... Когда она увидела труп своего мужа, ей стало ясно, каким образом он скончался, и она впала в такое глубокое отчаяние, что её пришлось силой удалить от покойника. Через несколько дней после катастрофы императрица отправилась со своими обоими старшими сыновьями Александром и Константином в церковь св. Михаила и заставила их поклясться, что они ничего не знали о подготавливавшемся плане убить императора».

Другой очевидец этих сцен оберштальмейстер Муханов сообщил очень подробные сведения об этом полковнику Саблукову.

«Бледная и похолодевшая, как мраморная статуя, — читаем мы в записках Саблукова, — сидела императрица в своей спальне. Александр и Елизавета возвращались из Зимнего дворца. У вдовствующей императрицы находились в это время Муханов и графиня Ливен. Был ли при этом Константин, я не знаю. Думаю, что его не было, и насколько я припоминаю, не было также там и младших детей. Опираясь на руку Муханова, императрица подошла к комнате, где лежал скончавшийся император. Александр и Елизавета следовали за ней. Шествие замыкала графиня Ливен. При виде трупа Мария Фёдоровна осталась стоять на своём месте, молча уставилась на него глазами и не проронила ни одной слезы. Александр остановился, как окаменелый, при виде изуродованного и закрашенного лица своего отца. Затем вдовствующая императрица обратилась к своему сыну и сказала по-русски: “Поздравляю, ты император”. При этих словах Александр упал на пол, и присутствующие подумали в первый момент, что он умер. Императрица без всякого волнения посмотрела на своего сына, затем снова взяла под руку Муханова и в его сопровождении и графини Ливен вернулась в свои покои. Она ушла раньше, чем Александр пришел в сознание. Он отправился затем к своей матери, и там они впервые дали оба волю своему горю. Вечером императрица прошла в комнату усопшего только в сопровождении Муханова и графини Ливен. Там она лежала у трупа почти в обморочном состоянии и горько рыдала в глубоком отчаянии. Её оба друга должны были нести её на себе обратно в её комнаты. На следующий день посещение повторилось; молодой император также пришёл. Затем состоялся переезд вдовствующей императрицы в Зимний дворец, и тело Павла было выставлено для всех».

Между тем Александру пришлось ещё преодолевать и другие затруднения на пути к трону.

Несмотря на то что дворцовые революции бывали и в предыдущие десятилетия в России, теперь можно было заметить оппозицию в военных кругах. Оставалось под сомнением, гладко ли всё обойдется при восшествии на престол Александра.

Ланжерон рассказывает, что Александр в первые часы после катастрофы был в крайнем отчаянии по поводу происшедшего, не будучи в состоянии думать о чём-нибудь другом. Но Пален, который питал некоторые опасения на счёт поведения войск, настоял, чтобы молодой император показался гвардейским полкам. Когда появился Александр и генерал Талызин призвал солдат крикнуть: «Да здравствует император Александр!», солдаты ответили недружелюбным молчанием. Пришли Зубовы и пытались повлиять на войска, но мрачное молчание продолжалось. Только при приближении к Семёновскому полку молодого императора приветствовали криками

«Ура!». Другие полки последовали этому примеру. Только Преображенский полк продолжал и после этого молчать. Солдаты ворчали и не хотели верить, что Павел умер, и принесли присягу только тогда, когда убедились в этом. В этом обстоятельстве Ланжерон не без основания видит доказательство того, как необходимо было окончательно устранить императора, потому что в противном случае неминуемо сделали бы попытку освободить его и снова возвести на престол и вызвали бы этим гражданскую войну.

Саблуков узнал ранним утром в своей казарме, что император будто бы скончался от апоплексического удара. Он выступил со своим полком, чтобы принести присягу. Всё уже было готово для торжественного акта, когда фланговый солдат Иванов спросил полковника, убедился ли он, Саблуков, собственными глазами, что император Павел умер. Когда полковник дал отрицательный ответ, Иванов заметил, что нельзя присягать императору Александру, если Павел ещё жив. Тормасов и Саблуков решили отложить торжество присяги на некоторое время под предлогом, что нужно принести сначала полковые знамёна. В то же время другой солдат Филатьев заявил, что нужно сначала увидеть труп умершего императора. Когда генералу Беннигсену, получившему главное начальство над дворцом, было сообщено, что солдаты хотят послать депутацию для осмотра тела Павла, он недовольно воскликнул, что ввиду ужасного состояния трупа это пока невозможно. Но так как солдаты категорически заявили, что в противном случае они откажутся от присяги, то пришлось уступить и впустить в комнату Павла Филатьева и Иванова. Когда Саблуков спросил их после этого, убедились ли они в смерти Павла, Иванов ответил: «Крепко умер»; когда же спросили солдат, хотят ли они теперь присягать, они выразили свою полную готовность.

О других каких-нибудь затруднениях во время принесения присяги нам неизвестно. Ранним утром собрались сенаторы и другие власти. Все принесли присягу, и вместе с другими и вдовствующая императрица «*bon grй malgrй*»*****, как замечает Ланжерон.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Розенцвейг в «*Aus allen Zeiten und Landen*». С. 11.

2 Издатель мемуаров Саблукова удостоверяет на основании свидетельских показаний, что французский посол, который вместе с другими членами дипломатического корпуса продефилировал мимо трупа, нагнулся над останками и сдвинул повязку на трупе, чтобы увидеть красный след, оставленный шарфом.

3 *Fraser's Magazine*. 1865. Сент. С. 323. В семье Ростопчиных сохранились в устной передаче следующие мало вероятные подробности этого происшествия. Когда нашли спрятавшегося за ширмами императора, к нему будто бы вернулось сознание монаршего достоинства, и он обратился к заговорщикам с речью, которая продолжалась несколько минут. Он говорил с таким вдохновением и так трогательно, что многие прослезились и готовы были броситься к его ногам и просить прощения. Другие же настаивали на том, что уже слишком поздно, и что Павел должен отречься от престола и т.д. Павел решительно отказывался подписать акт об отречении. Один из заговорщиков ударил его в лицо и проломил ему кости лба и носа. Другой хотел его заколоть своей шпагой, но Павел схватил шпагу рукой и потерял три пальца и т.д. *Sйgur, Rostoptchine*. С. 84, 85.

4 Розенцвейг в «*Aus allen Zeiten und Landen*». С. 12.

5 Бернгарди в «Истор[ическом] В[естнике]». № III. С. 165.

6 Исторический Вестник. № III. С. 161.

7 По сообщению Бернгарди, Пален только в этот момент появился с Уваровым и своими солдатами на проспекте. Трудно даже поверить, что он так долго пробыл на улице. Правдоподобнее известие Саблукова, что Пален находился у Александра.

8 Бернгарди [в Истор[ическом] В[естнике]. № III. С. 161.

9 Истор[ический] В[естник]». №III. С. 161—184. Розенцвейг в «Aus allen Zeiten und Landen» (С. 15), рассказывает несколько иначе об этом. Беннигсен отказывался вести её к усопшему императору, мотивируя это тем, что не имеет на это полномочия от императора Александра. Мария Фёдоровна спросила: «Кто сделал Александра императором?» — «Народ, Madame, гвардейцы его провозгласили императором». — «Но кто же заговорщики?» — «Люди из различных кругов, гражданские и военные чины, придворные». — «Дайте мне пойти к императору Александру». — «Нет, Madame, это мне запрещено. Вы не оставите этой комнаты» и т.д. Беннигсен позволил ей наконец повидаться с Александром, но при двух условиях: во-первых, она никуда не должна была заезжать по дороге, во-вторых, ни с кем не заговаривать и т.д.

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. №6, 7, 9—12; 2009. № 1.

* «Он спасся!».

** «Сэр, Вы арестованы».

*** «Что Вы делаете, Платон Александрович?».

**** «Всё закончено».

***** «Мадам, здесь не играют комедию».

***** «Мой Бог, это положение ещё более затруднительно».

***** «Волей-неволей».

(Окончание следует)

инженер по техническим средствам воспитания Главного испытательного центра испытаний и управления космическими средствами имени Г.Е.Титова, полковник в отставке (г. Краснознаменск, Московская обл.)

ВОЕННАЯ МУЗЫКА, СТАВШАЯ ЖИЗНЬЮ Л.А. ПЕТКЕВИЧА

Имя этого человека хорошо было известно широкому кругу капельмейстеров и музыкантов военных оркестров с конца XIXвека до шестидесятых годов XXвека, когда он ушёл на заслуженный отдых. Старейший военный музыкант, капельмейстер и педагог Людомир Антонович Петкевич в октябре 1917года возглавил образцовый военный оркестр. Ему посчастливилось дирижировать оркестром на первом военном параде в 1918году. С 1925года, когда уволился с военной службы, вплоть до 1962года Л.А.Петкевич руководил духовыми оркестрами в Москве и Московской области. Являясь автором фанфарного марша «Сигнал», многочисленных инструментовок для духового оркестра, Людомир Антонович также много лет отдал музыкально-педагогической работе с воспитанниками детских домов. Он вместе со страной прожил большую и интересную жизнь.

Родился Л.А. Петкевич 11февраля 1881года в небогатой деревенской семье на Волынщине. В возрасте тринадцати лет был зачислен музыкантом-воспитанником в оркестр 11-го Рижского Драгунского полка сроком на шесть лет. Ещё со времён Петра I в русской армии и на флоте были введены хоры (оркестры), создавались школы солдатских детей, где проходили обучение и музыкантские воспитанники. В этом полку отбывали действительную службу прадед, дед и отец Петкевича — Антон Иванович. Эту семейную традицию продолжил и Людомир Антонович. У деревенского паренька обнаружили незаурядные способности к игре на духовом инструменте — кларнете, обладающем красивым тембром и богатыми оттенками звучания. Усердие, трудолюбие юного музыканта-воспитанника вскоре принесли успех, его признали полковые ветераны-музыканты, и ему было доверено исполнение партии кларнета в основном составе оркестра.

Срочную службу Людомир Антонович сначала проходил в 7-м Уланском Ольвинопольском короля испанского АльфонсаXIII полку, а затем, с 1904года, служил в 1-м Лейб-драгунском Московском императора Петра I полку. Участвовал в Русско-японской войне в составе Заамурского конного полка.

В 1910году двадцатидевятилетний Л.А.Петкевич переводится в 11-й гренадёрский Фанагорийский генералиссимуса князя Суворова полк заместителем капельмейстера. После получения специальности «дирижёр», он становится капельмейстером оркестра полка. С началом Первой мировой войны и до октября 1917года Петкевич с полковым оркестром находится на фронте. А в это время в России назревала революция. Л.А.Петкевич с командой музыкантов был командирован в Москву квартирьером для подготовки казарм к прибытию полка.

В Москве происходили события, которые «потрясли весь мир». Сын крестьянина из Волынской губернии, Петкевич без колебаний перешёл на сторону новой власти, и не один, а с оркестром, сохранив его целиком. Казарма, как оказалось, уже была отремонтирована, и в ожидании встречи полка с фронта Л.А.Петкевич приступил к занятиям.

Однажды к нему явились представители военно-революционного комитета и попросили принять участие в митинге, который будет проходить в здании института благородных девиц. После этого выступления оркестр заметили, стали приглашать на многочисленные митинги и мероприятия, проводимые в городе. Переезд правительства во главе с В.И. Лениным из Петрограда в Москву в марте 1918 года, торжественные мероприятия по случаю этой встречи не минули оркестр Петкевича. В день выступления Владимира Ильича в Большом театре, вспоминал Людомир Антонович, он с оркестром Фанагорийского полка находился в оркестровой яме перед сценой.

В середине марта 1918 года в Лефортове, в Екатерининском зале бывшего 2-го кадетского корпуса, оркестр играл на торжественном вечере, посвящённом первому выпуску пулемётчиков молодой Красной армии. Присутствовавший на вечере народный комиссар по военным делам Н.И. Подвойский обратил внимание на слаженную игру военного оркестра в полсотни человек. Вскоре Всероссийский центральный исполнительный комитет, продолжая сложившуюся традицию рабочего класса, принимает решение о проведении торжеств по случаю 1-го Мая. Помимо манифестаций трудящихся было решено провести и первый военный парад частей Московского гарнизона на Ходынском поле. Для музыкального сопровождения парада Н.И. Подвойский предложил пригласить запомнившийся ему оркестр.

В конце апреля военному капельмейстеру Л.А. Петкевичу было передано приказание наркомвоендела в назначенное время прибыть с оркестром на Ходынское поле. «Оркестр 11-го гренадёрского Фанагорийского полка построен во дворе штаба полка. Сюда же стали прибывать курсанты военных школ Лефортовского городка. С музыкой мы подошли к Ходынке, где нас встретил молодой командир и приказал остановиться. Послали линейного с докладом о прибытии курсантов с оркестром. Линейный быстро вернулся и передал, что оркестр должен подойти ближе и стоять неподалеку от правительственной трибуны. Подготовка к параду шла довольно медленно. Только в шестнадцать часов 30 минут в открытой машине прибыли В.И. Ленин, с ним Н.К. Крупская и М.И. Ульянова. Как только Владимир Ильич сошёл с машины, я подал команду играть встречный марш. После обхода и поздравления с праздником В.И. Ленин поднялся на трибуну и начался церемониальный марш частей Московского гарнизона молодой Красной Армии», — так вспоминал Людомир Антонович об этом историческом параде.

Парад открыли колонны военно-учебных заведений. Оркестр играл фанфарный марш «Сигнал», написанный Л.А. Петкевичем. Следом торжественным маршем прошла рота красногвардейцев, кавалерийская школа. Проследовали два полевых орудия в запряжке по четыре лошади к каждому орудию. Замыкали парад самокатчики на старых полевых велосипедах. С красными знамёнами под музыку оркестра прошли колонны демонстрантов. Когда специалисты интересовались музыкой, исполняемой на первом параде, Людомир Антонович отвечал, что специального репертуара не было, исполняли маршевую музыку, взятую из репертуара русских военных духовых оркестров. Кроме фанфарного марша «Сигнал» играли марши «Богдан Хмельницкий», «Застенчивый рыцарь», «Суворовский марш», «Прощание славянки», «Марш Преображенского полка» и другие. Колонны демонстрантов шли под музыку революционных песен «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Красное знамя», «Марсельеза».

После этого военного парада оркестр стал официальным военным оркестром, который был призван обслуживать в течение ряда лет массовые государственные и партийные мероприятия.

Вскоре полк был расформирован. Оркестр передали второй Московской пехотной школе. Являясь членом ликвидационной комиссии по расформированию полка, Л.А. Петкевич лично отвёз в

Оружейную палату Московского Кремля семнадцать полковых знамён, среди которых, по его словам, были знамёна времён А.В.Суворова.

Не обошла стороной Л.А.Петкевича и Гражданская война. С оркестром в составе курсантской бригады он находился на фронте. Это были Южный и Петроградский фронты, войска которых вели сражения с Добровольческой армией А.И.Деникина и войсками Н.Н.Юденича. В одном из боёв он получил контузию. Возвратившись с фронта, Людомир Антонович продолжал обслуживать военно-оркестровые наряды, а в траурные дни января 1924года вместе с другими оркестрами отдал последние почести усопшему вождю.

Демобилизовался из армии сорокачетырёхлетний капельмейстер в 1925 году. За плечами у Л.А.Петкевича были тридцать лет, отданных службе Отечеству в армейском строю. За эти годы музыка стала его жизнью, и, сменив военный мундир на гражданский костюм, музыкант продолжил заниматься тем, что отлично знал и умел. Он стал инструктором духовых оркестров при управлении Московских городских железных дорог, затем в течение четырех лет руководил духовым оркестром при клубе в Кунцево.

Последующие годы, начиная с 1930-го, вплоть до ухода на пенсию в 1962году, Л.К.Петкевич работал руководителем духовых оркестров в детских домах, занимался музыкой с ребятами в трудовой коммуне и втором Испанском детском доме.

В 1948 году Людомир Антонович поступил на работу в детский дом №1 спецназначения для детей офицеров Красной армии и Военно-морского флота в г.Воскресенске Московской области. Здесь он создаёт из воспитанников разных возрастов духовой оркестр, которым успешно руководит в течение четырнадцати лет. Это был сплочённый многоголосый оркестр, состоящий в разные годы из сорока и более человек. Такого духового оркестра не было во всём Воскресенском районе. Оркестр регулярно обслуживал массовые городские мероприятия и удостоивался высокой оценки руководителей города. В детдомовском оркестре у Людомира Антоновича навыки игры на духовых инструментах получили многие воспитанники, а некоторые стали профессиональными музыкантами. В оркестре Главного центра испытаний и управления космическими средствами имени Г.С.Титова до настоящего времени играет его воспитанник Виктор Денискин. Членом союза композиторов стал военный инженер полковник Геннадий Пожидаев, автор книг, повестей и статей о композиторах, музыкантах и музыке. Многие ребята, следуя совету наставника, поступили в военные оркестры воспитанниками.

В памяти ребят воскресенского детского дома Людомир Антонович остался мудрым и добрым человеком. Вспоминает Геннадий Ярхо: «Это историческая личность. В ранние годы Людомир Антонович играл в военных оркестрах. Дирижировал оркестром на первом военном параде. Участвовал в Гражданской войне. Сочинял музыкальные произведения. Научил нас игре на духовых инструментах. И так хорошо у нас это получалось, что стали нас приглашать на торжественные мероприятия в город».

В 1967—1968 гг. состоялись торжества по случаю полувековых юбилеев Октябрьской революции и Вооружённых сил. В них приняли участие почётные гости: ветераны партии, участники Гражданской и Великой Отечественной войн, труженики тыла. На торжества был приглашен и Л.А.Петкевич. Ему был вручён персональный пропуск к трибуне на Красной площади. Спустя четыре года, 7ноября 1972года, в обстановке эмоционального подъёма личного состава армии, вызванного подготовкой к празднованию 50-летия образования СССР, на Красной площади в Москве проводился военный парад в честь 55-й годовщины Октябрьской революции. Это был

сотый парад. В сотый раз выходили на площадь и военные музыканты, под музыку которых шли торжественным маршем парадные расчёты войск. Своеобразным юбилеем стал этот выход и для старейшины военно-оркестровой службы Людомира Антоновича Петкевича.

В Отдельном показательном оркестре Министерства обороны, куда незадолго до парада был приглашён старый капельмейстер, состоялась встреча двух ветеранов — дирижёра первого военного парада и начальника военно-оркестровой службы Министерства обороны, главного дирижёра оркестрового сводного полка генерал-майора Н.М.Назарова. В торжественной обстановке генерал Назаров вручил Людомиру Антоновичу памятный знак «Участнику сотого парада».

Были и другие памятные встречи. Особенно радовался Людомир Антонович встречам с молодёжью. Щедро делился ветеран жизненным опытом, рассказывал о памятных событиях и пережитом. Перед слушателями проходили волнующие картины славной истории Вооружённых сил и военно-оркестровой службы.

Только на 82 году жизни прекратил трудовую деятельность персональный пенсионер Л.А.Петкевич. Его многолетний труд отмечен орденом Знак Почёта и многими медалями, в том числе медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945гг.», отличником народного просвещения назвало его Министерство просвещения РСФСР.

Скончался Людомир Антонович 16 декабря 1972 года, не дожив двух месяцев до девяностодвухлетия. Отдать последние почести старейшине военно-оркестровой службы прибыли музыканты Отдельного показательного оркестра Министерства обороны. Похоронен Людомир Антонович на старинном кладбище села Константиново Воскресенского района.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЕРИН Михаил Егорович —

*заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор (г.Ярославль)*

ГЕРМАНИЯ: ОТ ИМПЕРИИ К РЕСПУБЛИКЕ

В 2008 году в России и Западной Европе торжественно отметили 90-летие окончания Первой мировой войны — одной из самых кровавых, жестоких и беспощадных войн XX века. Первая мировая война (1914—1918гг.) унесла миллионы человеческих жизней, явилась страшным бедствием для народов Европы и всего земного шара. Её справедливо называют прологом XX столетия. В последние годы у нас в стране появилась масса интересной и серьёзной литературы

по истории этого периода и его последствий. К числу таких исследований можно отнести работу доцента кафедры всеобщей истории исторического факультета Самарского госуниверситета, кандидата исторических наук Г.М.Садовой*.

Особенность монографии заключается в том, что автор не рассматривает ход военных событий, знаменитые сражения и этапы войны. Они и так хорошо изучены. Г.М.Садовая совершенно справедливо обратилась к малоизученным аспектам истории Германии периода войны и после её окончания. Она попыталась рассмотреть воздействие войны на эволюцию политической доктрины либерализма, позиций её ведущих представителей, показать те мощные интеллектуальные силы, которые спасли Германию от разрушения в годы войны и способствовали развитию демократии и восстановлению престижа страны на мировой арене, а также проблемы переходного периода Германии от империи к демократической республике. Как известно, процесс трансформации одной системы в другую всегда происходит сложно, болезненно, в каждой стране по-разному, со своими особенностями. Но его изучение помогает лучше понять дальнейший ход событий, увидеть причины будущих драматических или трагических последствий, в частности Веймарской республики. В течение восьми лет, которые исследуются автором, немцы пережили войну, поражение, крах некогда могущественной империи, революцию, провозглашение республики, путчи, революционные восстания, кризис, унижительные для Германии итоги войны. Поистине переломный период германской истории, который не мог не травмировать менталитет нации.

Исследование опирается на хорошее знание источников, включая архивные, многочисленной мемуарной литературы и германской историографии, включая труды историков бывшей ГДР, внёсших определённый вклад в изучение проблем Первой мировой войны. Однако основой явились научные работы, речи, переписка и другие труды самого Ратенау. По своему содержанию все эти разноплановые документы обладают большой источниковедческой ценностью. Особенно подробно автор остановилась на оценке работ историков социально-критического направления: Х.-У.Велера, Ю.Кокка, В.Моммзена, Г.А.Винклера. В книге отмечаются достижения отечественной историографии в этой области. Верно замечено, что учёные и на Западе, и в России не прекращают исследований важнейших проблем Первой мировой войны и Веймарской республики, добиваясь исчерпывающих ответов на вопросы цивилизации XXвека.

Несомненно, сильной стороной книги является освещение роли учёных, историков, философов, публицистов в подготовке немецкого народа к войне, их влиянии на политическую, экономическую и военную элиту воюющей Германии.

Заслугой автора книги является попытка по-новому взглянуть на проблему становления регулируемого капитализма, его идеологии и практики. Г.М.Садовая подробно останавливается на анализе «программы Гинденбурга» в годы войны и результатов её реализации. При этом подчёркивается, что Германия могла вести войну в течение четырёх лет практически против всего мира только благодаря созданной системе регулируемого хозяйства и политического альянса — гражданского мира. В книге пересматриваются стереотипные оценки о характере и содержании диктатуры или «военно-диктаторского» режима Гинденбурга — Людендорфа, который потеснил и парламент, и правительство, и кайзера. В отличие от прежних крайне отрицательных оценок, автор считает, что характер диктатуры Гинденбурга — Людендорфа нельзя определить однозначно негативно.

Большое место в книге отведено В. Ратенау, крупнейшему промышленнику, талантливому мыслителю, политику, дипломату и государственному деятелю, который пытался преодолеть

противоречия своего времени, дать объяснение в соответствии с собственным мировоззрением дальнейших путей развития своей страны и человеческого общества. О Ратенау существует огромное количество литературы как у нас в стране, так и, безусловно, в Германии. Тем не менее историки продолжают обращаться к изучению жизни этого незаурядного и противоречивого человека, исследуют его научную, политическую и дипломатическую деятельность, спорят, ищут новые факты и аргументы. В рецензируемой книге Ратенау показан как идеолог и организатор военной промышленности Германии, как талантливый администратор, работа которого позволила империи продержаться четыре года, воюя почти со всем миром на территории врага. В производственной деятельности Ратенау происходило практическое воплощение процесса перехода к организованному капитализму. Он воплотил идею принудительного синдицирования, т.е. объединения промышленных предприятий, работающих под непосредственным контролем государственной власти. Деятельность Ратенау как организатора отдела сырья военного министерства создала ему репутацию творца и реформатора.

В заключение хотелось бы высказать два замечания, которые, конечно, носят дискуссионный характер. Не совсем убедительно, как нам кажется, стало выделение хронологических рамок переходного периода в истории Германии: 1914—1922гг. Утверждение автора, что Веймарская республика в период 1919—1922гг. отстояла свою способность «навести порядок внутри страны», кажется сомнительным.

В целом, монография Г.М.Садовой вносит существенный вклад в современную отечественную германистику.

* *Садовая Г.М.* Германия: от Кайзеровской империи к демократической республике (1914—1922гг.): Монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 273 с.

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич —

*заместитель начальника отдела Института военной истории МО РФ, капитан 2ранга,
кандидат военных наук (Москва)*

ЭВОЛЮЦИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И РОЛЬ ВОЕННОЙ НАУКИ

Учёный, а также военный исследователь должны знать и понимать особенности науки как формы деятельности, природу и специфику естественно-научного, технического и гуманитарного знания. Это позволяет уяснить тесную связь науки с культурой и социальными трансформациями, адекватно осмысливать процессы социальной и военно-социальной действительности. С учётом этого будущие военные учёные — адъюнкты и соискатели, впрочем, как и их гражданские коллеги — аспиранты в ходе подготовки в системе послевузовского профессионального образования изучали и сдавали экзамен кандидатского минимума по философии. В начале 2000-х годов государственные стандарты системы подготовки научных кадров претерпели некоторые изменения, в частности философия была заменена историей и философией науки, предполагающей изучение истории и философии той отрасли науки, по которой готовятся

специалисты. Однако соответствующей учебно-методической литературы по истории и философии военной науки в Министерстве обороны Российской Федерации не оказалось. На разработку и издание таковой потребовались годы. В результате по заказу Главного управления кадров МО РФ была выпущена книга*, допущенная в качестве учебного пособия для системы послевузовского профессионального образования по отрасли 20.00.00 — военные науки.

Учебное пособие состоит из двух частей: «Современные философские проблемы военной науки» и «Исторические этапы развития военной науки». Его авторы стремились понятно и относительно кратко истолковать главные проблемы философии военной науки на основе современного уровня их осмысления. И в целом достаточно квалифицированному авторскому коллективу, включающему в себя семь докторов философских наук, доктора военных наук и шесть кандидатов наук, решить эту задачу удалось.

Среди причин неоднозначности представлений о военной науке как о системе знаний авторы выделяют её становление на базе эмпирических военных знаний, отпочкование от универсальной в своё время философии и исторической науки, вмешательство в процесс развития научных знаний официальных взглядов, господствующих идеологий и других факторов, не всегда адекватных реальности. В силу этого военно-научное познание представляет собой специфический вид, существенно отличающийся от других видов познавательной деятельности. Поэтому применение общих положений философской методологии в развитии военно-научных знаний имеет свои особенности, которые отражаются в содержании и методах военно-научной познавательной деятельности. Освещению особенностей общефилософских положений (объекта, предмета, субъекта, методологии и логики познания; категорий «ценность», «жизнь», «время» и «пространство»; проблем истины, рациональности и интерпретации) в военно-научном познании, а также объяснению его специфических сфер (война, мир, армия, военная техника и воинская деятельность) авторы и посвятили первую часть труда.

Не менее значимой для военных исследователей представляется и вторая часть пособия, в которой раскрывается эволюция представлений о военной науке и излагаются современные взгляды на неё; показывается характер, механизм взаимосвязи и взаимодействия эмпиризма и теории, фундаментальной и прикладной частей военной науки на различных этапах её истории (военные знания Древнего Китая и античности; военные теории стран Западной Европы и России в Средние века и эпоху Возрождения; развитие зарубежной и отечественной военной мысли в Новое и Новейшее время), их связь с военной практикой.

По мнению авторов книги, история военной науки является убедительным свидетельством возникновения и развития любой науки под воздействием определённых социальных причин. Если обществу, стране, государству необходима та или иная наука, она обязательно возникнет. Потребность же в военных знаниях, в военной науке у общества появилась издревле, а на определённых стадиях его развития она то усиливалась, то ослабевала. Для разработки и совершенствования теории и практики военного дела, извлечения уроков из своего исторического прошлого в интересах будущего военную науку использует и развивает и Российская Федерация. Одна из существенных черт развития военной науки заключается в том, что наибольших успехов она достигала не только тогда, когда для этого был накоплен значительный военный опыт, но и в периоды, когда в обществе складывался наиболее благоприятный социально-политический, духовный и идеологический климат. В результате авторский коллектив пришёл к важному выводу, что в обществе необходимо создавать благоприятные условия не только для развития военной науки и военной теории в целом, но и для того, чтобы их достижения находили отражение в

военной доктрине государства, становились достоянием политического и военного руководства, военнослужащих и всех граждан страны.

Другой важный признак военной науки, отмеченный авторами книги, заключается в том, что она формируется и развивается в общем русле духовной жизни мирового сообщества, но под определяющим влиянием приоритетов конкретного государства. Следовательно, развитие отечественной военной науки немыслимо без учёта достижений разных школ и разных направлений, как отечественных, так и зарубежных, но при сохранении национальных особенностей.

Ещё одна значимая черта отечественной военной науки, на которую обращает внимание авторский коллектив учебного пособия, состоит в том, что её развитие происходит на основе осмысления всех известных в истории войн, и особенно тех, в которых участвовала наша страна. Например, войны, которые вели Российская империя и Советский Союз, обеспечили военной науке для её выводов и теоретических положений как позитивный, так и негативный базовый материал. Нередко в силу ряда обстоятельств либо недостаточно критично оценивалось значение военных побед, либо происходила недооценка военного опыта, связанного с крупными потерями и поражениями. В связи с этим военная наука может успешно развиваться только на основе диалектически понятого как положительного, так и отрицательного военного опыта, полученного во всех войнах. Поэтому в современных условиях необходимо продолжать изучение военного опыта прошлых лет, особенно важно критическое переосмысление уроков Второй мировой войны, а также исследование последних локальных войн и вооружённых конфликтов с их качественно иной материально-технической базой и иными социально-политическими и военно-стратегическими параметрами.

Для определения перспектив развития военной науки в России большое значение имеют также понимание механизма действия таких противоположных тенденций, как дифференциация знаний о войне и их интеграция. Не случайно, авторы отметили, что исторически развитие шло от нерасчленённых знаний о войне и армии к формированию отдельных теорий, наук (учебных дисциплин). Уже к концу XVIII века из военных знаний выделились как самостоятельные науки военная история и военная наука. Последняя стала включать в себя ряд теорий, учений фундаментального порядка, а также прикладные исследования о войне и армии. Во второй половине XX века явно различались философия и социология, общая теория войны, теории стратегии и тактики, строительства армии, обучения и воспитания личного состава. В этой связи непременным условием развития военной науки является эффективное, рациональное теоретико-методологическое решение вопроса об её объекте и предмете, структуре и функциях. По мнению авторов, это означает, что проблемы методологии, научного метода мышления, осмысления путей дальнейшего развития военной науки приобретают особую важность.

Особенно ценно то, что авторы убедительно показали неразрывную взаимосвязь философии военной науки как с её историей, так и с одной из её важнейших функций — прогнозированием развития всех аспектов военного дела. В результате читатель, ознакомившись во второй части книги с историческими этапами развития и современным состоянием отечественной военной науки, побуждается вновь обратиться к её сущности, философским и методологическим проблемам, освещённым в первой части пособия. И это опять-таки оправданно. Ведь достоверность прогнозирования и, следовательно, эффективность развития военной науки, военного строительства и повышения обороноспособности государства в целом зависят от степени зрелости науки, её методологии и методики, отношения к военной науке

государственного руководства и командования Вооруженных сил, её востребованности в обществе.

Остаётся надеяться, что осознание важности военной науки для формирования обоснованной военной политики государства и профессионализма Вооружённых сил станет неотъемлемой частью современного военного строительства России, а рецензируемый труд будет востребован не только как учебное пособие для адъюнктов и соискателей, но и как путеводитель в мире военно-научного познания для всех категорий руководящего и командного состава Российской армии.

* История и философия военной науки: Учеб. пособие / Под общ.ред.Б.И.Каверина и С.А.Тюшкевича. М.: Воениздат, 2007. 398с.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Центральный штаб Международной акции-проекта «Мы – наследники Победы!», каждый из этапов которой посвящается памятным датам и выдающимся личностям в истории Советского Союза и России, с декабря 2006 года ведёт подготовку к празднованию 300-летия победы в Полтавской битве, которое состоится 10 июля 2009 года.

На заседаниях Центрального штаба, прошедших в Государственном историческом музее и Государственном музее современной истории России с участием представленных в нём международных, общероссийских и региональных некоммерческих организаций, федеральных государственных структур МИД РФ, Минкультуры РФ, Минобороны РФ, ФСБ РФ, а также представителей Беларуси и Украины были отработаны и направлены в адрес руководителей вышеупомянутых государств, Президента и Правительства Российской Федерации Предложения к Международной программе празднования 300-летия Полтавской битвы (2009 г.) и сражения при Лесной» (2008 год).

Центральный штаб также выступил инициатором встреч и консультаций в российских министерствах и ведомствах, белорусских и украинских органах власти, Посольстве Швеции, Посольстве России в Украине, в ходе которых уточнялись и согласовывались отдельные позиции вышеупомянутых предложений, вопросы касающиеся информационной и финансовой поддержки юбилеев, которые ежегодно отмечались в российском обществе, армии и на флоте.

В октябре 2008 года по инициативе Центрального штаба, поддержанной Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в Могилёвской области прошли торжества по случаю 300-летия победы русских войск в сражении при деревне Лесной. В них наряду с представителями государственных структур России, Беларуси, Украины, Швеции, Польши, Латвии приняли участие руководители

общественных организаций, члены военно-патриотических объединений, исторических клубов, учащиеся кадетских корпусов и образовательных учреждений.

Понимая историческую значимость предстоящего юбилея Полтавской битвы, проводимого под девизом «Во имя мира и согласия», Центральный штаб считает необходимым привлечь внимание российской общественности, государственных органов и учреждений к важности своевременной, всесторонней подготовки к этой дате, а также ознакомить с основными направлениями реализации программы празднования 300-летия Полтавской битвы, доработанными на основе вышеупомянутых предложений, но не нашедших пока по мнению членов штаба, должной государственной поддержки.

Для организованного участия в мероприятиях, которые пройдут в г. Полтаве в конце июня 2009 года, Центральный штаб с февраля по май 2009 года формирует на инициативной основе, по заявкам от учреждений и организаций, специальную автобусную колонну российских участников. Группы участников маршрута должны быть подготовлены к автономной жизнедеятельности каждой делегации: наличие палаток, продуктов питания, снаряжения, необходимого для жизни в полевых условиях в течение всего маршрута.

Предпочтение при формировании этого автопробега Москва – Полтава будет отдаваться тем инициативным группам и организациям, которые у себя в коллективе, районе, городе, организовали и провели мероприятия, посвящённые 300-летию Полтавской битвы, или приняли в них активное участие.

В связи с вышеизложенным Центральный штаб Международной акции-проекта «Мы – наследники Победы!» сообщает о начале формирования делегации. Заявки будут приниматься до 15 мая 2009 года по адресу: Москва, ул. Народная, д.4, стр.1, подъезд № 3, Международный союз «Мужество и Гуманизм». Наряду с информацией о готовности к поездке принимаются также сведения об её участниках и представления к награждению Памятной медалью в честь 300-летия победы в Полтавской битве.

Контакты центрального штаба Международной акции-проекта «Мы – наследники Победы!»: тел. 8-495-632-72-21, 8-495-767-83-57;

факс:8-495-632- 72-22; E-mail: contact@intermig.ru, intermig54@mail.ru

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Публикация: Смирнов Даниил Сергеевич —

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

1 апреля 1959 года, 50 лет назад, принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о создании крылатой ракеты с подводным стартом (комплекс «Аметист») для атомных подводных лодок проекта 670. Создание ракеты поручено ОКБ-52 под руководством В.Н. Челомея. Головная АПЛ вошла в строй в конце 1967 года, комплекс принят на вооружение в 1968 году. Им оснащены также подводные ракетноносцы проекта 661.

3 апреля 1884 года, 125 лет назад, родился А.С. Бубнов, советский партийный, государственный и военный деятель. В 1924—1929 гг. был начальником Политуправления РККА и членом Реввоенсовета СССР. Редактор газеты «Красная звезда». С 1929 по 1937 год — нарком просвещения РСФСР. Умер 12 января 1940 года.

4 апреля 1965 года вьетнамские лётчики на советских реактивных самолётах МиГ-17 открыли боевой счет. В ходе воздушных боёв в небе Вьетнама в этот день были сбиты 2 американских самолёта F-105.

7 апреля 1989 года у острова Медвежий в результате пожара погибла опытная глубоководная атомная подводная лодка «Комсомолец» (командир капитан 1 ранга Б.А. Ванин). Пожар возник в 7-м отсеке лодки, находившейся в подводном положении. После всплытия экипаж лодки в течение 5 ч вёл мужественную борьбу за живучесть корабля. Однако принятые им меры результатов не дали. Лодка затонула на глубине 1500 м. Из 69 членов экипажа в живых осталось 27 человек.

8 апреля 1944 года началась Крымская стратегическая наступательная операция советских войск. После артиллерийской и авиационной подготовки войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф.И. Толбухина перешли в наступление. Утром 11 апреля Отдельная Приморская армия генерала армии А.И. Еременко освободила Керчь. В ходе наступления были освобождены Евпатория, Симферополь, Феодосия, Бахчисарай, Ялта, Балаклава. 5 мая после мощной артиллерийской подготовки началось наступление на Севастополь, 9 мая город был освобождён. Остатки разгромленных войск противника 12 мая были взяты в плен у мыса Херсонес. Противник потерял на суше всю технику и до 100 тыс. человек, а на море во время эвакуации — более 42 тыс. человек.

12 апреля 1839 года, 170 лет назад, родился Н.М. Пржевальский, генерал-майор, почётный член Петербургской АН, военный учёный-географ, путешественник, исследователь Центральной Азии. Умер 1 ноября 1888 года.

13 апреля 1904 года в районе Порт-Артура подорвался на mine и затонул броненосец «Петропавловск». На нём погибло 650 человек, в том числе командующий флотом вице-адмирал С.О. Макаров и художник-баталист В.В. Верещагин.

14 апреля 1849 года, 160 лет назад, родился С.И. Мосин, русский конструктор стрелкового оружия, генерал-майор. Окончил Михайловскую артиллерийскую академию. Работал помощником начальника, затем начальником инструментальной мастерской на Тульском оружейном заводе. В 1890 году С.И. Мосин создал 7,62-мм магазинную пятизарядную «трёхлинейную» винтовку, которая впоследствии широко применялась в русской и советской армиях. В 1894—1902 гг. — начальник Сестрорецкого оружейного завода. Умер 8 февраля 1902 года.

14 апреля 1904 года, 105 лет назад, родился В.А. Пеньковский, генерал армии. В Красной армии — с 1920 года. С 1933 года — командир зенитного дивизиона, заместитель начальника штаба зоны ПВО Киевского особого военного округа. В Великую Отечественную войну начальник штаба

управления ПВО фронта, начальник ПВО армии, командир стрелковой дивизии, с 1942 года — начальник штаба 21-й и 25-й армий. С 1947 года — начальник штаба ряда военных округов, с 1956 года — командующий войсками Дальневосточного военного округа. С 1964 года — заместитель министра обороны СССР по боевой подготовке. Умер 26 апреля 1969 года.

16 апреля 1934 года, 75 лет назад, постановлением ЦИК СССР учреждено почётное звание Герой Советского Союза — высшая степень отличия за заслуги перед государством, связанная с совершением геройского подвига. Героям Советского Союза вручалась высшая награда СССР — орден Ленина и Грамота ЦИК СССР (с декабря 1937 года — Президиум Верховного Совета СССР). 1 августа 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был учреждён дополнительный знак отличия — медаль «Золотая Звезда». Одним из первых Героев Советского Союза стал выпускник Севастопольской школы морских лётчиков полярный лётчик А.В. Ляпидевский. Ему была вручена медаль «Золотая Звезда» № 1.

29 апреля 1939 года ЦК ВКП(б) принял решение о создании «Военно-исторического журнала». Приказом НКО № 85 от 5 мая 1939 года сформирована редакция. Первый номер вышел 29 августа 1939 года.

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Уважаемые читатели!

Редакцией «Военно-исторического журнала» подведены итоги конкурса, проводившегося на страницах издания в течение второй половины 2008 года. Наши читатели — участники конкурса проявили глубокое знание военной истории Отечества и незаурядные творческие способности при подготовке своих ответов. Особенно хотелось бы отметить Геннадия Ивановича Буравлева, признанного победителем. В своих работах он не только правильно осветил все вопросы викторины, но и представил фотографии, карты и схемы, прекрасно проиллюстрировавшие его ответы. В качестве приза Геннадий Иванович получает двухтомник «Военные звезды», выпущенный издательством «Московия» и посвящённый 65-летию Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Второе место присуждено Валентину Фёдоровичу Гужёву, принявшему самое активное участие в конкурсе. Третье место занял Павел Фёдорович Семёнов, наш постоянный подписчик с 30-летним стажем. В.Ф.Гужёв и П.Ф.Семёнов награждены грамотами «Военно-исторического журнала».

Редакция «Военно-исторического журнала» благодарит всех читателей, принявших участие в нашем конкурсе.

Редакция «Военно-исторического журнала»

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ КОНКУРСА

Начальником Редакционно-издательского центра Министерства обороны РФ полковником А.Н. Марковым подведены итоги творческого конкурса на лучшие материалы, опубликованные в «Военно-историческом журнале» в 2008 году.

За подготовку материалов, отличающихся глубоким теоретическим содержанием, убедительностью и ясностью изложения, практической значимостью, а также в связи с празднованием Дня российской печати первая поощрительная премия присуждена кандидату исторических наук, доценту полковнику запаса ЕЛИСЕЕВУ Сергею Павловичу (Военно-воздушная инженерная академия им. Н.Е. Жуковского, г. Москва) за статью, опубликованную в №2 (февраль) в рубрике «Военное строительство» под заголовком «Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне» (редактор — Е.В. Добычина).

Вторая поощрительная премия присуждена кандидату исторических наук ПЛАТОШКИНУ Николаю Николаевичу (Московский гуманитарный университет, г. Москва) за статью, опубликованную в № 12 (декабрь) в рубрике «Из истории военно-политических отношений» под заголовком «Берлинская “блокада” 1948—1949 гг. Мифы и реальность» (редактор — А.В. Островский).

Третья поощрительная премия присуждена доктору исторических наук профессору кафедры истории БАРЫШНИКОВУ Николаю Ивановичу (Северо-Западная академия государственной службы, г. Санкт-Петербург) за статью, опубликованную в №7 (июль) в рубрике «Против лжи и фальсификаций» под заголовком «“Добиться официально от Германии, чтобы Петербург полностью уничтожить...”. Намерения К.-Г. Маннергейма в отношении Ленинграда» (редактор — Е.В. Добычина).

Победителям творческого конкурса кроме денежных премий вручена подписка на «Военно-исторический журнал» на 2009 год.

Помимо этого присуждены поощрительные премии (подписка на «Военно-исторический журнал» на 2009г.): старшему научному сотруднику, кандидату исторических наук МАРТИРОСЯНУ Давиду Георгиевичу (Институт военной истории, г.Москва) за опубликованную в № 6 (июнь) в рубрике «Полководцы и военачальники» статью под заголовком «Генерал Г.Э. Берхман “управлял всем ходом дела, которое кончилось большим успехом...”. Приписанные заслуги генералов Н.Н. Юденича и М.А. Пржевальского» (редактор — В.Т. Иминов); доценту кафедры экономики и управления на предприятиях сервиса, кандидату исторических наук СТЕПАНОВУ Алексею Сергеевичу (Самарский филиал российского государственного университета туризма и сервиса, г. Самара) за опубликованные статьи в №8 (август) в рубрике «Экономика и вооружённые силы» под заголовком «“Положение с горючим остается напряжённым...”. Особенности снабжения ГСМ советской авиации в 1939—1941 гг.» (редактор — Р.И. Парфёнов) и в №10 в рубрике «Из истории вооружения и военной техники» под заголовком «Поставки советской авиационной техники за рубеж. 1937—1941 гг.» (редактор Р.И. Парфёнов); заместителю начальника факультета военного обучения, полковнику ЛОВЕРОВУ Ивану Анатольевичу (Московский автомобильно-дорожный институт, г.Москва) за опубликованную статью в №7 (июль) в рубрике «Из истории Тыла вооружённых сил» под заголовком «Особенности дорожного обеспечения советских войск на территории Афганистана. 1980—1982 гг.» (редактор — Н.Ф. Ковалевский).

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Начальник Редакционно-издательского центра Министерства обороны РФ приглашает к участию в конкурсе на лучшую публикацию в текущем 2009 году на страницах «Военно-исторического журнала». Авторам материалов, победившим в конкурсе, будут присуждены по одной первой, второй и третьей денежной премии. Лауреатов поощряют и годовой подпиской на журнал. Кроме того, выделяются три подписки на «Военно-исторический журнал» для участников творческого конкурса.

Приглашаем авторов «Военно-исторического журнала» к участию в конкурсе!

Елисеев Сергей Павлович

Родился 19 мая 1950 года в д. Синяя Никола Красногородского района Псковской области. Окончил Рижское высшее военное авиационно-инженерное училище им. Я. Алксниса (1972), Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е. Жуковского (1988). Проходил службу в строевых частях ВВС. Был заместителем начальника Минского авиационно-технического училища Гражданской авиации по военной подготовке, а затем — начальником военной кафедры Московского государственного технического университета Гражданской авиации.

С сентября 2003 года после увольнения из ВС РФ в запас — старший преподаватель кафедры тактики и оперативного искусства ВВИА им. проф. Жуковского.

Автор более 30 научных работ, в том числе монографии «Организационное строительство военной авиации России (1910—1917гг.)» (М., ВВИА, 2008).

Кандидат исторических наук (1999), доцент (2000).

Платошкин Николай Николаевич

Родился 19 октября 1965 года в с. Мещерино Ступинского района Московской области. В 1987 году с отличием окончил Московский государственный институт международных отношений, в ноябре 2003-го спецкурс для руководящего состава при Дипломатической академии МИД РФ. С 1987 по 2006 год работал в российских дипломатических представительствах в ФРГ и США. В настоящее время — доцент Московского гуманитарного университета. Автор монографий «Гражданская война в Испании 1936—1939гг.» (2005), «Жаркое лето 1953 года в Германии» (2004), «Убийство президента Кеннеди» (2007), около 20 статей на исторические и правовые темы. Кандидат исторических наук (2003), доцент (2006).

Барышников Николай Иванович

Родился 14 декабря 1922 г. в г. Бутурлиновке Воронежской области. В 1940 году был призван в армию и с июня 1941 года участвовал в Великой Отечественной войне, служа в радиолокационных частях войск противовоздушной обороны Ленинграда. После окончания войны, оставшись в армии, поступил на заочное отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета и окончил его в 1949 году. В том же году был выдвинут на работу в отдел пропаганды и агитации Политуправления ЛВО, где прослужил 15 лет. С 1962 года работал на кафедре истории Высшего военно-инженерного строительного училища. До 1977 года — военнослужащий (полковник). С 1994 года работает на кафедре истории Северо-Западной академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Автор около 300 научных работ, посвященных малоизвестным страницам истории Второй мировой войны, битвы за Ленинград, а также истории дипломатии и прежде всего истории российско-финляндских отношений. Входит в состав авторских коллективов таких фундаментальных научных трудов, как «История ордена Ленина Ленинградского военного округа» (М., 1974; М., 1988), «История второй мировой войны 1939—1945» (Т. 3. М., 1974), «Зимняя война. Политическая история». (М., 1998). Среди его 20 монографий, изданных как в нашей стране, так и за рубежом — книга «Блокада Ленинграда и Финляндия» (СПб.-Хельсинки, 2002) была удостоена в 2004 году литературной премии Законодательного собрания Санкт-Петербурга им. маршала А. Говорова.

Доктор исторических наук (1982), профессор (1984). Награждён орденами «Отечественной войны» I и II степени и Красной Звезды, а также многими медалями, в том числе двумя «За боевые заслуги».

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Артамонов В.А. Заря Полтавской победы (1708—2008). К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. Могилёв: УО «МГУ им.А.А.Кулешова», 2008. 112 с., ил.

Могилёвский поисковый вестник. Вып. 4. / Ред.-сост. Н.С. Борисенко. Могилёв: Могилёвск. обл. укруп. тип., 2008. 152 с.

Переданы председателем Могилёвского областного исполнительного комитета Б.В.Батура

(г. Могилёв, Республика Беларусь)

Геманов В.С. Александр Маринеско. Книга жизни. Калининград: Янтар.сказ, 2005. 320 с., ил.

Передана автором

(г. Калининград)

35 лет информационным структурам Вооружённых сил Российской Федерации. М.: Агентство «Военинформ» МО РФ, 2006. 270с., ил.

Передана главным экспертом Управления пресс-службы и информации МО РФ полковником В.В. Костенко

(Москва)

Алёхин П.Г. Наполеоновские войны. Униформа европейских армий. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 160 с.

Передана главным редактором журнала «Сержант» Г.Л.Плоткиным

(Москва)

Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): Учеб.пособие для 11-го кл.учреждений, обеспечивающих получение общ.сред.образования, с рус.яз. обучения, с 11-летним сроком обучения / А.А.Коваленя, М.А.Краснова, В.И.Лемешонок и др.; Под ред. А.А.Ковалени, Н.С.Сташкевича; Пер. с бел.яз. А.В.Скорохода. Мн.: Изд.центр БГУ, 2004. 231 с., ил., карт.

Гомельщина в 1941 году: материалы науч.-практ. конф. / ред.кол.: А.А.Коваленя и др. Гомель, 2006. 275 с.

Гомельщина в событиях 1917—1945 гг.: материалы науч.-практ. конф. / ред.кол.: А.А.Коваленя [и др.] Гомель, 2007. 304 с.

Переданы директором Гомельского областного музея военной славы П.А.Ждановичем

(г.Гомель, Республика Беларусь)

Македонская В.А., Кудряшов А.В. Военная юстиция в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Монография. М.: Тривант, 2005. 168с.

Передана автором

(Москва)

Асадов Ю. 1000 офицерских имён в армянской истории. Историко-биографические очерки. Пятигорск: изд-во генеалогического фонда «АПАКиДРиФ», 2004. 300с.

Передана автором

(Москва)

Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920—1925гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М., 2007. 60 с.

Передана автором

(Москва)

Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара, Челябинск, 2008. 478 с.

Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание оренбургского казачества. Челябинск, 2004. 201 с.

Переданы автором

(г. Челябинск)

Герасимов В.Л. Некоторые аспекты строительства и применения морской авиации (1918—1937гг.): монография. Смоленск: ИЦ «Моравиа», 2008. 144 с.

Передана автором

(Москва)

Чекулаев И.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722—1735гг.). Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. 208 с.

Передана автором

(г. Махачкала)